№ 182 Понедѣльникъ, 15-го (27-го) Іюля 1891 года

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

Понедѣльникъ, 15-го (27-го) Іюля 1891 года № 182

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ.—ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, НЕ ИСКЛЮЧАЯ и ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

Сочиненія М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Первое полное изданіе В. Ѳ. Рихтера, подъ редакціею профессора **П. А. Висковатова,** въ 6 томахъ (около 70 печатныхъ листовъ), съ портретами автора, его матери и бабушки (8 портр.), а также **„Демонъ“** напечатанной съ рукописи, съ приложеніемъ поэмы **„Демонъ“**, исправленной авторомъ въ 1841 г., трехъ автографовъ, снимки съ дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ, біографіи, составлен. проф. П. А. Висковатымъ и библіографич. указателемъ г. Буковскаго

ПОСТУПЯТЪ ВЪ ПРОДАЖУ 15 ІЮЛЯ СЕГО ГОДА.

Цѣна за всѣ 6 том. 3 руб. Складъ изданія: Москва, Тверская, д. **ТАЛАЛАЕВА**, типографія Рихтеръ. 6331—5

НОВООСТРОЕННЫЙ ЛѢТНІЙ ЦИРКЪ М. ТРУЦЦИ

на углу Новой ул. и Барятинскаго пер., въ д. Бродскаго, противъ Александровскаго парка, СЕГОДНЯ, ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 15 ІЮЛЯ,

ВТОРОЕ ГРАНДІОЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

Подробности въ афишахъ. Начало въ 8½ ч. веч.

Для удобства публики движеніе вагоновъ конки въ Александровскій паркъ будетъ происходить до окончанія представленій въ циркѣ. 6675—1

ДЫНИ АНАНАСНЫЯ канталупы изъ садоваго заведенія ДЮФРЕНА продаются исключительно въ фруктовомъ магазинѣ садовладѣльца

И. ШЕЙНЗОНА.

Екатерининская ул., д. Бродскаго, № 10, противъ Робина.

На каждой дынѣ имѣется печать садов. заведенія. 6511—3

Частное женское 8-ми классное училище 1 разряда и пансіонъ Е. С. Пашковской, быв. **Ю. М. Чаушанской.**

Прошенія о поступленіи въ училище и пансіонъ принимаются съ 8 с. іюля, по вторникамъ и пятницамъ, съ 11 до 3 час дня, а съ 1 августа ежедневно въ тѣ-же часы, въ помѣщеніи училища, д. Краснокутскаго, № 38, по Херсонской улицѣ.

Е. ПАШКОВСКАЯ. 6115—3

ЗОНТИКИ АНТУКА и ФАНТАЗИ

получены въ большомъ выборѣ и продаются ОЧЕНЬ ДЕШЕВО въ новооткрытомъ магазинѣ

„Mercerie de Paris“ Г. Филькевича.

Екатерининская ул., д. Эльмана, уголъ Греческой. 2078—39

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

Въ виду [illegible] папиросъ, подъ названіемъ **„Французская выставка въ Москвѣ“** за № 22, начали **поддѣлывать нашъ этикетъ**, а потому покорнѣйше просимъ гг. потребителей при требованіи нашихъ папиросъ

ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНІЕ

на нашу фирму, награжденную на всемірной и другихъ выставкахъ медалями, и **на находящійся внутри коробки ярлычекъ**, разрѣшенный г. одесскимъ полиціймейстеромъ. 6699—2

Таб. фабр. С-ья Асвадурова.

Докторъ І. Н. Вейнштейнъ, венерическія, мочеполовыя и накожныя болѣзни. Пріемъ отъ 2 до 3½ ч. и отъ 5 до 6½ ч. Преображенская, уголъ Херсонской, д. Дурьяна, 2-й этажъ. 6676—2

ДВѢ СКРИПКИ

кремонскія: Руджіеро 1696 г. и Николая Амати 1728 г. продаются до 25 іюля. Полицейская ул., „Новороссійская“ гост., № 1. Видѣть можно ежедневно съ 8 до 11 ч. утра и отъ 2 до 6 ч. веч. 6578—2

ЛАВА.

Прибыло судно съ лавою и продается по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Контора **Н. МАРИНО**, Ланжероновская, д. Карузо. 6198—10

АКУШЕРКА А. Л. ЧЕКАДАНОВА

переѣхала на Успенскую ул., д. Корнштейна, № 66, противъ фабрики Ларіонова. 6536—3

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА **И. ГРУБЕРА** ОДЕССА, Дерибасовская, домъ Вагнера.

Сегодня, 15 іюля.

Театръ и садъ „Грандъ-Отель“. „Хаджи Мурать“ ком. опера въ 3 д. Деккеръ-Шенка. Нач. въ 8½ ч. в.

Цирк Труцци, на углу Барятинскаго переулка и Новой ул., (противъ Александровскаго парка). Второе грандіозное представленіе. Начало въ 8½ час. вечера.

Садъ Благород. собранія. Ежедневн. кафе шантанное представленіе.

Городской садъ. Ежедневное кафе-шантан. представленіе.

Садъ „Аркадія“. Ежедневныя кафешантан. представленія.

Александровскій паркъ. Ежедневное гулянье и хоръ военной музыки.

ДВИЖЕНІЕ ПОѢЗДОВЪ.

Отходъ изъ Одессы:
Курьерскій 7 ч. 40 м. в.
Почтовый 10 ч. 30 м. веч.
Тов.-пас. 8 ч. 30 м. утр.
Тов.-пассажир. на Кишиневъ и Елисаветградъ въ 11 час. 55 мин. вечера.

Приходъ въ Одессу:
Курьерскій 11 ч. утра
Почтовый 7 ч. 11 м. утр.
Товаро-пассажирскій въ 10 ч. 53 м. веч.
Товаро-пассажирскій изъ Кишинева и Елисаветр въ 6 ч. утр.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное РУССКОЕ ОБЩЕСТВО пароходства и торговли.

Движеніе пароходовъ въ Одессѣ по лѣтнему расписанію

Съ 14-го іюля по 20-е іюля 1891 года.

Отойдутъ изъ Практической гавани.

ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

Іюля 15, понедѣльникъ, въ 8 ч. у., „Таврида“.
Іюля 16, вторникъ, въ 8 ч. утра, „Аргонавтъ“.
Іюля 17, среда, въ 8 час. утра, „Таврида“.
Іюля 18, четвергъ, въ 8 ч. утра, „Аргонавтъ“.
Іюля 19, пятница, въ 8 час утра, „Таврида“.
Іюля 20, суббота, въ 8 ч. у., „Аргонавтъ“.

ВЪ ХЕРСОНЪ.

Іюля 15, понедѣльникъ, въ 8 час. утра, „Митридатъ“.
Іюля 16, вторникъ, въ 8 час. утра, „Гр. Тотлебенъ“.
Іюля 17, среда, въ 8 ч. утра, „Митридатъ“.
Іюля 18, четвергъ, въ 8 час. утра, „Гр. Тотлебенъ“.
Іюля 19, пятница, въ 8 ч. утра, „Митридатъ“.

По линіи крымско-кавказской:

Іюля 15, понедѣльн., въ 3 ч. д., „В. К. Михаилъ“ крымско-кавказскимъ почтовымъ кругоднымъ рейсомъ, съ заходомъ въ Евпаторію.
Іюля 16, вторникъ, въ 5 ч. веч., „Синеусъ“ крымско-кавказскимъ товаро-пассажирскимъ рейсомъ съ заходомъ въ Евпаторію.
Іюля 18, въ четвергъ, въ 3 ч. д., „В. К. Алексѣй“ крымско-кавказскимъ почтовымъ прямымъ рейсомъ, съ заходомъ въ Евпаторію, Новороссійскъ и Сухумъ.
Іюля 19, пятница, въ 5 час. в., „Святославъ“ крымско-кавказскимъ товаро-пассажирскимъ рейсомъ съ заходомъ въ Алушту и Судакъ.
Іюля 20, суббота, въ 5 час. веч., „Цесаревна“ крымско-кавказскимъ почтовымъ прямымъ рейсомъ, съ заходомъ въ Новороссійскъ.

Ожидаются въ Практическую гавань:

Іюля 15, понедѣльникъ, парох. „Цесаревна“ изъ крымско-кавказскаго почтоваго прямаго рейса.
Іюля 18, четвергъ, пароходъ „Юнона“ изъ крымско-кавказскаго почтоваго кругового рейса.
Іюля 18, четвергъ, пароходъ „Игорь“ изъ крымско-кавказскаго почтоваго рейса.
Іюля 20, суббота, „В. К. Ольга“ изъ крымско-кавказскаго почтоваго прямаго рейса.
Іюля 21, воскресенье, „Повсельскій“ изъ крымско-кавказскаго товаро-пассажирскаго рейса съ заходомъ въ Евпаторію.

Отойдутъ изъ Карантинной гавани:

По линіямъ александрійской прямой и круговой.

Іюля 16, вторникъ, въ 4 ч. д., „Одесса“ александрійскимъ кругоднымъ рейсомъ черезъ Константинополь.
Іюля 20, суббота, въ 4 ч. д., п. „Цесаревичъ“ прямымъ александрійск. рейсомъ чрезъ Константинополь на Смирну.

Ожидаются въ Карантинную гавань:

Іюля 17, среда, пар. „Азовъ“ изъ анатолійскаго рейса.
Іюля 20, суббота, парох. „Россія“ изъ Александрійскаго прямого рейса, на Смирну.

☞ Почтово-пассажирскіе пароходы, отходящіе изъ Одессы по четвергамъ Крымско-Кавказскимъ прямымъ рейсомъ до Батума, будутъ заходить, кромѣ прочихъ портовъ, еще и въ Новороссійскъ въ оба пути.

Пассажирскіе билеты выдаются въ Одессѣ въ агентствѣ Практической гавани: по линіи Крымско-Кавказской наканунѣ отхода пароходовъ съ 10-ти час. утр. до 2-хъ час. пополуд., а въ дни отхода, съ 12 ч. утра до отх. пар., въ магазинахъ противъ отходящихъ пароходовъ. Въ день отхода пароходовъ отъ Новаго мола касса для выдачи пассажирскихъ билетовъ будетъ помѣщаться въ магазинѣ Общества на Новомъ молѣ, съ 12-ти час. утра до отхода парохода. По линіямъ херсонской и николаевской билеты выдаются только въ дни отхода пароходовъ съ 6½ часовъ утра въ магазинѣ противъ отходящихъ пароходовъ.

Пассажирскіе билеты для слѣдованія по александрійской и анатолійской линіямъ выдаются въ агентствѣ Карантинной гавани наканунѣ отхода пароходовъ съ 9-ти час. утра до 3-хъ часовъ, а въ дни отхода съ 9-ти час. утра до отхода пароходовъ.

Страхованіе грузовъ, отправляемыхъ въ Константинополь и въ порты анатолійской и александрійской линій, производится въ агентствѣ Карантинной гавани; во всѣ внутренніе порты—въ агентствѣ Практической гавани. 6614—2

Пассажирскій пароходъ «ПІОНЕРЪ» совершаетъ рейсы по ДНѢСТРУ отъ БЕНДЕРЪ до СОРОКЪ по 2 раза въ недѣлю, выходя изъ Бендеръ по понед. и четверг. въ 5 ч. в. (по приходѣ поч. поѣзда изъ Одессы), а изъ Сорокъ по восер. и сред. въ 12 ч. д. Въ Бендеры приход. на другой день въ 1 ч. д. 6481—71

6652—3

Пароходъ «ГЕОРГІОСЪ I.» s/s Georgios I

прибылъ изъ Петербурга, Копенгагена и Антверпена въ здѣшній портъ съ грузомъ.

Агенты СМЕЛЬСЪ ИЛЬСЪ и К°.

Театръ и садъ „Грандъ-Отель“ Въ понедѣльникъ, 15-го іюля, представлено будетъ:

ХАДЖИ МУРАТЪ

комич. оп. въ 3 д., муз. Деккеръ-Шенка. Начало въ 8½ час.

Дирижеръ Ф. Г. Возакъ.

6683—1 Режиссеръ Н. Я. Синельниковъ.

Г. Николаевъ.

Съ 1 сего іюля открыта **Центральная гостинница В. Г. Инглези,** уголъ Соборной и Католическ. ул., въ соб. д., въ самомъ центрѣ города, близъ торговыхъ лавокъ, со всѣми удобствами для г.г. комм.-вояжеровъ. **Первоклассный ресторанъ.** Телефонъ № 147. Почтовый ящикъ. Малые и большіе номера отъ 75 коп. до 3 руб. въ сутки. 6442—8

НИКОЛАЕВСКІЙ БУЛЬВАРЪ БУФЕТЪ-РЕСТОРАНЪ.

Обѣды, завтраки и ужины à la carte. Ежедневно съ 12 до 2 ч. подвижной столъ съ 4—5 блюдами. Шашлыки и чебурики, изготовляемые спеціалистами выписанными изъ Крыма. Цѣны блюдамъ по большей части 40 к. за порцію. По воскресеньямъ съ 12 до 2, а въ будніе дни съ 5 до 11 час. играетъ военный оркестръ. 6089—22

M me FOUCHERET

извѣщаетъ гг. своихъ почтенныхъ заказчицъ, что она **перѣхала** изъ д. Меля, на Дерибасовскую улицу, домъ Черепенниковой (противъ магазина Мангуби) квартъ. № 4 (по дворѣ) и по прежнему принимаетъ заказы и передѣлки

ДАМСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ШЛЯПЪ.

Мойка и чистка бѣлыхъ перьевъ. 5021—2

Въ 6 уроковъ выучиваю писать **красиво и скоро.** Иногородним за 4 семик. марки высылаю условія и пробное письмо, показывающее почеркъ, которымъ учащійся будетъ писать по окончаніи курса. Одесса, Дерибасовская, домъ Пурица: ВЕЧЕРНІЕ КУРСЫ.

6055—9 **Э. Конидарисъ.**

ЖЕНЩИНА-ВРАЧЪ **М. С. Кауфманъ** Еврейская, д. № 18 Барвица, кв. № 1. 4821-99

АНДРЕЕВСКІЙ ЛИМАНЪ

Городское грязе-лечебное заведеніе Открыто подъ вѣдѣніемъ **д-ра Брусиловскаго.** Сообщеніе съ городомъ по желѣзной дорогѣ ежечасно. 6363—5

Д-ръ П. М. Гроссманъ

ушныя, горловыя, носовыя болѣзн. ПЕРЕѢХАЛЪ на Ришельевскую ул., № 9, уг. Греческой, д. Пелехиныхъ. Пріемъ отъ 9½—11 утра и 4—5½ ч. попол. 6470—4

Первая частная лечебница

Уголъ Нѣжинской и Тираспол., д. Коцовскаго Плата за совѣтъ 40 коп. Часы пріема

Д-ръ Марголинъ бол. зуб. и хир.	8½	— 9
„ Невельштейнъ внутр. бол.	9	— 11 „
„ Е. Рахатъ акушер. женск. и дѣтск. бол.	9	— 11 „
„ г-жа Е. Кинсбергъ ак. и жен.	11	— 12 „
„ Бенисовичъ хирургич. бол.	11	— 12 „
„ В. Гольденбергъ внутрен.	12	— 1 „
„ Э. О. Гольденбергъ хирургич. и женск. бол.	12	— 1 „
„ Л. Лѣтинъ мочеполов., венер. и накож.	1	— 2 „
„ С. Марьяшесъ мочеполов., венер. и накож. бол.	3	— 4 „
„ И. Розенштейнъ внутрен. и нерв. бол. (леч. электр.)	1½	2½ „
„ І. Гуровичъ дѣтск., горлов. и ушн. бол.	2	— 3 „
„ Г. Рабиновичъ газзн. бол.	2½	— 3½ „
„ Сем. Рабиновичъ внутрен. и нервн. (леч. электр.)	3½	— 4½ „

Ночное дежурство врачей.

Ежедневно консультація изъ 3 врачей отъ 2—3 час. Плата 3 руб. 4749—6

Лечебница русскихъ врачей

Гулевая ул., № 9, рядомъ съ Маріинск. гим. Плата за совѣтъ 30 коп. Часы пріема:

	отъ	до
Д-ръ А. Н. Ригана дѣтск. и внутреннимъ бол.	8½	—10 „
„ А. Н. Ивано по нервн. дѣтск. внутр. (лечение электр.)	8½	—10 „
„ Д. А. Троано по женскимъ внутреннимъ бол.	9	—10½ „
„ Ѳ. Н. Бѣльскій по хирург. и накожнымъ бол.	10	—11½ „
„ Н. К. Хрусталева по женск. и дѣтск. бол.	10½	—12 „
„ Д. Д. Мочульскій по горл. ушн. носов. и хирург. бол.	12	—1½ „
„ Н. И. Воскресенскій по внут. и нервн. (лечение электр.)	1	—2½ „
„ А. А. Цѣповскій по сифилит. мочеполо. и накожн. бол.	1½	—3 „
„ И. И. Цибульскій, по хирург. накож. и тяжнымъ бол.	1½	—3 „

Консилумы изъ трехъ врачей по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ отъ 1—2 ч. Плата 3 р. 6285—6

Д-ръ В. М. Круковскій

Пріемъ по НАКОЖНЫМЪ, МОЧЕПОЛОВЫМЪ и ВЕНЕРИЧЕСКИМЪ болѣзн. Діагностическіе анализы (мочи, мокроты и пр.), отъ 9—1 ч. дня, 5—7 ч. веч. Преображенская (уг. Дерибас.), д. № 24, графа Грохольскаго, прот. кафе Тибмана, ходъ съ улицы. 3963—36

ТРЕБУЮТСЯ

бойкіе, расторопные мальчики для розничной продажи газетъ. Обращаться въ контору „Одесскаго Листка“, отъ 5 до 9 час. утра ежедневно. 4252—12

ТЕЛЕГРАММЫ.

«ОДЕССКАГО ЛИСТКА»

(*Черезъ «Спб. Телегр. Агентство»*)

14 іюля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. «Нов.» сообщаютъ, что проживающими въ Петербургѣ сербами предполагается поднести сербскому королю Александру въ Петербургѣ, хлѣбъ соль на серебряномъ блюдѣ. Въ Петергофѣ, во время пребыванія тамъ короля Александра, будетъ устроенъ большой славянскій праздникъ.

Обществомъ для содѣйствія промышленности и торговлѣ будетъ внесено предложеніе о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства о разрѣшеніи созыва всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда.

ВѢНА. Газеты обсуждаютъ встрѣчу французской эскадры въ Кронштадтѣ довольно сдержанно, выставляя, однако, на видъ грандіозность послѣдней.

Газ. «Neue Fr. Pr.» замѣчаетъ, что французы могутъ быть довольны;—«но, прибавляетъ газета, въ привѣтственныхъ статьяхъ, «Нов. Времени» и «Гражданина» замѣтна нѣкоторая сдержанность«.

ЛОНДОНЪ. «Times» въ статьѣ по поводу посѣщенія французской эскадры находитъ понятными манифестаціи, имѣющія доказать тройственному союзу, что Россія и Франція не изоллированы. «Daily News» симпатично относится къ гостепріимной встрѣчѣ и говоритъ, что въ случаѣ посѣщенія французскимъ и русскимъ флотами Англіи, послѣдняя также встрѣтитъ ихъ радушно.

Вслѣдствіе отъѣзда Салисбюри, формальное возобновленіе Портой и Англіей переговоровъ въ Египтѣ послѣдуетъ осенью.

(*Отъ нашаго Телеграф. Агентства*)

(*Циркулярныя*)

13 іюля *).

КРОНШТАДТЪ. Сегодня, въ 9 часовъ утра, Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшими Дѣтьми, Королева Эллиновъ съ дочерью, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья и Великія Княгини, прибывъ на кронштадтскій рейдъ на яхтахъ «Цесаревна» и «Александрія», посѣтили корабль «Маренго». Русская и французская эскадры встрѣтили салютомъ прибытіе Высокихъ Гостей. Адмиралъ Жерве поднесъ букеты Государынѣ Императрицѣ и Королевѣ Эллиновъ. Ихъ Императорскія Величества осмотрѣли «Маренго»; команда «Маренго» прошла церемоніальнымъ маршемъ. На кораблѣ «Marseau» Ихъ Величества присутствовали при дѣйствіяхъ вращающихъ башенъ, вооруженныхъ дальнобойными орудіями. Ихъ Величества переѣхали на «Державу», гдѣ состоялся завтракъ, на которомъ присутствовали адмиралы и командиры судовъ русской и французской эскадръ. Государь провозгласилъ тостъ за президента французской республики Карно. Посолъ г. Лабуле провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и за русскій флотъ.

Вчерашній обѣдъ у главнаго командира кронштадтскаго порта, адмирала Шварца, въ честь французскихъ моряковъ, отличался радушіемъ и изяществомъ. Столъ былъ сервированъ въ галлереѣ лѣтняго сада. Около хозяина заняли мѣста начальники эскадръ—французской—адмиралъ Жерве и русской — адмиралъ Казнаковъ. Первый тостъ за президента республики Карно—предложилъ адмиралъ Шварцъ. Тостъ былъ покрытъ марсельезой и криками: «Vive la France». «Адмиралъ Жерве провозгласилъ тостъ за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ, Наслѣдника Цесаревича и Царствующій Домъ, встрѣченный русскимъ гимномъ и восторженнымъ «ура». Адмиралъ охарактеризовалъ симпатіи, связывающія русскихъ и французскихъ моряковъ, и провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе французскаго флота и его доблестныхъ представителей. Адмиралъ Жерве отвѣтилъ: «Со вчерашняго дня я нахожусь въ какомъ-то волшебномъ, удивительномъ снѣ,—такъ велики симпатіи и вниманіе, оказанныя намъ въ Россіи! Мы должны гордиться этими знаками вниманія, счастливые тѣмъ, что они относятся не только къ намъ, но и къ дорогой намъ Франціи. Да приметъ великая и славная Русская Имперія привѣтъ Франціи!» Затѣмъ были предложены тосты за русскихъ моряковъ, за адмирала Жерве и за здоровье хозяйки.

Павильонъ былъ роскошно убранъ по стѣнамъ драпировкой изъ матеріи французскихъ цвѣтовъ съ аграфами и сіяніями изъ французскихъ флаговъ; сверху и снизу драпировки шли гирлянды изъ дубовыхъ листьевъ Въ другой стѣнѣ, противъ мѣста адмирала Жерве, былъ помѣщенъ вѣнокъ, среди котораго, на красномъ фонѣ; во время тоста за президента французской республики, павильонъ озарила электрическая надпись: «Vive la France!» Садъ былъ роскошно иллюминованъ электрическими цвѣтными лампочками.

КІЕВЪ. Сегодня въ три часа прибылъ король сербскій, въ сопровожденіи регента Ристича, министра-президента Пашича, гофъ-маршала Янковича, воспитателя полковника Мишковича и свиты. Короля сопровождаетъ русскій посланникъ въ Бѣлградѣ. На русской границѣ въ Рени Его Величество король Александръ былъ встрѣченъ генералъ-маіоромъ Араповымъ и флигель-адъютантомъ полковникомъ Пашковымъ. На вокзалѣ король былъ встрѣченъ мѣстными властями, представителями военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и многочисленною публикою. При подходѣ поѣзда, въ которомъ король слѣдовалъ отъ Рени, раздались звуки сербскаго національнаго гимна. Публика привѣтствовала короля восторженными криками; съ вокзала король прослѣдовалъ въ Софійскій соборъ, гдѣ была отслужена краткая литія. Поклонившись мощамъ св. Макарія, митрополита кіевскаго и посѣтивъ митрополита Платона, Его Величество король Александръ прослѣдовалъ во дворецъ.

14 іюля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. «Новое Время» сообщаетъ, что съ новаго учебнаго года при всѣхъ финскихъ школахъ вводятся разговорные уроки на русскомъ языкѣ.

«Новости» сообщаютъ, что правленіе желѣзныхъ дорогъ предложено предоставлять учащейся молодежи отдѣльные по возможности вагоны, причемъ дѣвицъ помѣщать въ дамскихъ отдѣленіяхъ. Въ началѣ и концѣ каникулъ должны быть обязательно прицѣплены для учащихся отдѣльные вагоны. *)

БЕРЛИНЪ. Въ «Имперскомъ указателѣ» объявлено, что 23 іюля (стар. ст.) императоръ на палубѣ «Гогенцоллернъ» поскользнулся и причинилъ себѣ легкій ушибъ праваго колѣна. Осторожное обращеніе съ ногой необходимо, вслѣдствіе чего проектируемыя на ближайшее время экскурсіи въ горы и сельскія мѣстности отмѣнены. Общее состояніе здоровья императора хорошее, а вчера его величество обѣдалъ за общимъ накрытомъ на палубѣ столомъ.

*) Эта телеграмма получена нами вчера утромъ послѣ шести часовъ, почему она не могла попасть во вчерашній нумеръ. Ред.

*) Свѣдѣнія эти читатели найдутъ въ сегодняшнемъ-же нумерѣ въ отдѣлѣ „Дневникъ“.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ

НА 1891 Г.

ВЪ ОДЕССѢ:		НА ГОРОДА:	
На годъ	10 р. — к.	На годъ	12 р. — к.
» полг.	6 » — »	» полг.	7 » — »
» 3 мѣс.	3 » 50 »	» 3 мѣс.	3 » 80 »
» 1 мѣс.	1 » 20 »	» 1 мѣс.	1 » 30 »

Въ розничной продажѣ 5 коп. №. Центральная контора газеты въ ОДЕССѢ на углу Дерибасовской и Ришельевской, д. Меля, № 10.

ПАМЯТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Одесса, 15 іюля

По поводу чествованія памяти М. Ю. Лермонтова.

Сегодня русское общество чествуетъ память великаго русскаго поэта М. Ю. Лермонтова, погибшаго такъ безвременно, но успѣвшаго, тѣмъ не менѣе, обезсмертить свое славное имя и обогатить родную литературу цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ произведеній своей геніальной музы. Чествованіе памяти геніальнаго поэта имѣетъ для насъ сугубое, или, вѣрнѣе сказать, двойное значеніе.

Сегодня исполнилось полъ-вѣка со дня трагической кончины поэта; сегодня-же прекратилось монопольное право на изданіе сочиненій Лермонтова, и онѣ станутъ сдѣлались достояніемъ всего русскаго народа, среди котораго разойдутся, безъ сомнѣнія, сотни тысячъ томовъ, сѣя всюду сѣмена добра, любви и правды. Ниже, между другими статьями, характеризующими личность и произведенія поэта, читатели найдутъ небольшую статью, выясняющую значеніе произведеній Лермонтова для народа. Оно велико и безгранично. Сознавая это, многіе города рѣшили чествовать, такъ или иначе, память Лермонтова. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Пятигорскѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ будутъ отслужены панихиды по усопшемъ поэтѣ, въ Пятигорскѣ будетъ учреждена стипендія имени поэта, въ Николаевѣ—будетъ открыта школа, въ Москвѣ—будетъ поставлена мраморная доска на томъ домѣ, гдѣ родился поэтъ. Не отстала отъ другихъ городовъ и наша южная Пальмира. Рѣшено учредить Лермонтовскій отдѣлъ при городской библіотекѣ, присвоить имя поэта одной изъ городскихъ школъ и роздать безплатно сочиненія Лермонтова въ народныхъ школахъ.

Обозрѣвая все, что уже сдѣлано и предполагается сдѣлать для чествованія памяти великаго русскаго поэта, нельзя не признать, что чествованія эти будутъ имѣть скромный характеръ, что общественное вниманіе къ памяти Лермонтова нестоль значительно, какъ чествованіе памяти другого великаго поэта А. С. Пушкина. Это объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что 50-лѣтіе со дня кончины М. Ю. Лермонтова совпало съ вакаціоннымъ временемъ, когда городскія общественныя управленія почти бездѣйствуютъ, учебныя заведенія, которымъ подобало-бы принять главное участіе въ чествованіи памяти поэта, и многія другія учрежденія—совсѣмъ закрыты Надо всетаки надѣяться, что памяти великаго поэта будетъ воздано должное, что наше отечество покроется цѣлою сѣтью школъ, библіотекъ и т. п. общеполезныхъ учрежденій, которымъ будетъ присвоено имя поэта, и что будетъ сдѣлано все необходимое для того, чтобы произведенія творческаго генія Лермонтова дѣйствительно сдѣлались достояніемъ народнымъ. Одна столичная газета передаетъ, что, въ виду того, что по лѣтнему времени нельзя достойнымъ образомъ почтить память безсмертнаго писателя, предполагается избрать для этого день его рожденія. Русское общество—мы въ этомъ увѣрены — не забудетъ своего нравственнаго долга и съумѣетъ въ свое время почтить память Лермонтова такъ, какъ онъ того заслужилъ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Великое значеніе Лермонтова въ исторіи русскаго общества всякому извѣстно. Его имя ярко блещетъ въ ряду наиболѣе дорогихъ отечественныхъ писателей. Современники цѣнили его наравнѣ съ Пушкинымъ, а любили даже больше, чѣмъ Пушкина, въ пору высшаго развитія его таланта. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ Москвѣ 20 октября 1814 г. въ домѣ бабушки своей вдовы поручика Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой уроженной Столыпиной, у которой въ то время гостили его родители. Домъ Арсеньевой находился на площади у самыхъ Красныхъ воротъ, въ той части Садовой, которая идетъ къ Сухаревой башнѣ. До 1859 года домъ этотъ, принадлежавшій купцу Бурову, сохранялъ еще свой прежній видъ. Теперь на его мѣстѣ возвышается огромное зданіе, не имѣющее никакого сходства съ прежнею постройкою. Отецъ Лермонтова, Юрій Петровичъ служилъ въ Кексгольмскомъ пѣхотномъ полку, состоялъ при 1 кадетскомъ корпусѣ и уволенъ въ отставку въ 1811 г. капитаномъ. Онъ былъ потомокъ славной старинной извѣстной еще въ началѣ XI вѣка шотландской фамиліи *Лермонтъ* изъ графства Эдинбургъ, считавшей въ числѣ своихъ членовъ знаменитаго барда Томаса (Ѳому) Лермонта, прославившагося между соотечественниками своими пѣснями и даромъ прорицанія [1]). Мать нашего поэта Марія Михайловна, уроженная Арсеньева, вышла замужъ за Юрія Петровича по любви, противъ воли матери и къ неудовольствію своей знатной и богатой родни. Нашъ поэтъ былъ единственнымъ ребенкомъ отъ этого брака.

О своемъ шотландскомъ происхожденіи Лермонтовъ говорилъ въ стихахъ, и старался придать ему какое-то особенное значеніе. Напримѣръ въ стихотвореніи «Гробъ Оссіана»,

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана.
Въ горахъ *Шотландіи моей*
Летитъ къ ней духъ мой усиленный
Родимымъ вѣтромъ подышать и т. д.

Еще любопытнѣе, по своимъ подробностямъ, стихотвореніе «Желаніе». Въ немъ Лермонтовъ называетъ себя «потомкомъ отважныхъ бойцовъ», Шотландію — «Своей отчизной». «Межъ мной и холмами отчизны моей растилаются волны морей»..., вспоминаетъ о «Ея туманныхъ горахъ и холмахъ, о замкѣ, оружіи и арфѣ своихъ предковъ...». Конечно, всѣ эти выраженія пошли сюда, только какъ поэтическій образъ; но, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что Лермонтовъ понялъ на образъ исторически или легендарно—вѣрный.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ Михаилъ Юрьевичъ лишился матери, которую замѣнила ему бабушка, нѣжно любившая свою единственную дочь и по смерти ея перенесшая эту любовь на внука. Богатая и знатная бабушка, враждебно относившаяся къ своему зятю, человѣку съ большими странностями, увезла внука въ деревню Тарханы, Пензенской губерніи. Въ деревнѣ его окружили иностранки—бонны, тетки и кузины. Излишнія ласки и любовь постоянно окружавшихъ его женщинъ сдѣлали изъ маленькаго «Мишеля» баловня и развили въ немъ духъ своеволія противорѣчія и упрямства. Но за-то обученіе Лермонтова велось чрезвычайно разумно; бабушка, питая къ своему внуку безграничную любовь, ничего не жалѣла для его образованія. Гувернеры и учителя обучали его музыкѣ, рисованію и новѣйшимъ языкамъ, а изъ древнихъ—греческому. Лермонтовъ рано успѣлъ изучить французскій языкъ и до того основательно, что еще въ дѣтствѣ хорошо зналъ французскую словесность и могъ писать французскіе стихи; на ряду съ французскимъ языкомъ его серьезно обучали и англійскому. Въ то-же время онъ усердно занимался и русскимъ языкомъ и, по отзыву его учителя, «учился прекрасно; особенные успѣхи оказывалъ въ русской словесности».

Такимъ образомъ, уже съ самаго ранняго дѣтства Лермонтовъ получилъ серьезную подготовку. Знакомство съ произведеніями европейскихъ представителей литературъ возбудили въ немъ желаніе испытать собственныя дарованія. Въ уцѣлѣвшихъ ученическихъ тетрадяхъ Лермонтова, рядомъ съ выписками изъ иностранныхъ и русскихъ авторовъ, находится довольно и русскихъ стиховъ его—переводовъ изъ Гете и Шиллера, подражаній Жуковскому и Пушкину. Въ послѣдствіи писаніе стиховъ сдѣлалось для Лермонтова страстью. Когда не оказывалось подъ рукой бумаги, онъ писалъ на столахъ, на стѣнахъ, на переплетахъ книгъ, даже на днѣ деревяннаго ящика письменнаго стола. Лермонтовъ съ обычнымъ своимъ усердіемъ занимался также рисованіемъ и музыкой. Разсказываютъ, что больная мать Лермонтова, одаренная музыкальною душою, посадивъ ребенка на колѣни долго занималась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головой, сидѣлъ неподвижно; звуки потрясали его младенческую душу и слезы катились по лицу. Со самаго ранняго дѣтства въ поэтѣ развилась любовь ко всѣмъ искусствамъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и фортепіано. Серьезное воспитаніе и раннее знакомство Лермонтова съ лучшими произведеніями европейскихъ писателей, подъ руководствомъ опытныхъ учителей имѣли главнымъ образомъ вліяніе на его раннее развитіе, сосредоточенность и не дѣтскую серьезность. Одиннадцати лѣтъ онъ вмѣстѣ съ бабушкой провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказѣ, красоты котораго были для него особенно привлекательны по очаровательнымъ картинамъ этого края, нарисованнымъ перомъ горячо любимаго имъ поэта Пушкина. Живыя впечатлѣнія природы Кавказа сливались съ Пушкинской поэзіей и глубоко западали въ душу, доставляя богатый матеріалъ воображенію и фантазіи. Здѣсь-же Лермонтовъ страстно влюбился въ десятилѣтнюю дѣвочку... Пребываніе на Кавказѣ доставило поэту много разнообразныхъ, сильныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній. «Горы Кавказа для меня священы» говорилъ онъ записывая это воспоминаніе.

При своей талантливой, сильной и порывистой натурѣ Лермонтовъ еще мальчикомъ былъ мало разговорчивъ и не сообщителенъ, постоянно смотрѣлъ въ землю, мечталъ и по временамъ язвительная улыбка являлась на лицѣ его внѣшнимъ отраженіемъ внутренняго его настроенія. Семейные раздоры еще болѣе усиливали въ немъ сосредоточенность и скрытность. Е. А. Арсеньева ненавидѣвшая своего зятя, не стѣснялась передъ

Въ пансіонѣ онъ получилъ первую награду «за сочиненіе и успѣхи по исторіи». Въ это-же время онъ много писалъ стиховъ, и у него уже начали скопляться цѣлыя тетради стихотвореній, въ которыхъ уже проявилась высоко-галантливая, сильная и порывистая натура поэта.

Въ 1831 г., шестнадцати лѣтъ, Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ. Здѣсь еще болѣе увеличилась его поэтическая дѣятельность, и за два года пребыванія въ университетѣ, онъ написалъ массу стихотвореній, изъ которыхъ многіе, впослѣдствіи переработанные, заняли мѣсто въ числѣ лучшихъ его произведеній. Лермонтовъ вышелъ изъ Московскаго университета, чтобы поступить въ Петербургскій. Въ Петербургѣ ему не согласились зачесть прежніе университетскіе годы и предложили поступить на первый курсъ, тогда онъ вовсе оставилъ университетъ и избралъ ту дорогу, которою въ то время шла масса аристократической молодежи, между прочимъ и друзья Лермонтова и его товарищи по университету. Въ 1832 г. по выдержаніи экзамена изъ спеціальныхъ военныхъ предметовъ, Лермонтовъ поступилъ на службу въ Лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, того-же года 10 ноября онъ въ званіи юнкера опредѣленъ былъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, нынѣ Николаевское кавалерійское училище. Первообразъ нынѣшняго Николаевскаго училища школа гвардейскихъ юнкеровъ была основана при Императорѣ Александрѣ I въ 1823 г., и по мысли Великаго Князя Николая Павловича, предназначалась для образованія тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые поступая въ гвардейскія войска изъ университетовъ или изъ частныхъ пансіоновъ не имѣли достаточной подготовки въ военныхъ наукахъ [1]). Во всемъ означенная школа весьма существенно отличалась отъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ; обучавшіеся въ этой школѣ были молодые люди со средствами и высшаго круга. Лермонтовъ пробылъ въ школѣ по 22 ноября 1834 г.; насмѣшливый, ловкій, ловкій—проказы, шалости, шутки всякаго рода, сдѣлались его любимымъ занятіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душею общества, онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ; словомъ во всемъ томъ, что въ то время составляло жизнь въ эти юные годы.

Въ то время въ школѣ издавался юнкерскій рукописный журналъ «Школьная Заря» при главномъ участіи Лермонтова; онъ украшалъ журналъ далеко нескромными стихотвореніями, иллюстраціями и каррикатурами, мастерски исполненными перомъ. Подлинныя тетради журнала сохранились у князя В. С. Вяземскаго, товарища Лермонтова по школѣ. Въ «Школьной Зарѣ» въ числѣ прочихъ стихотвореній Лермонтову принадлежатъ: извѣстная шутка «Уланша» подписанное псевдонимомъ Графъ Діарбекиръ; «Пограничныя извѣстія» переполненныя въ прозѣ, двѣ «Оды»; «Посланія къ Тизенгаузену», большой разсказъ въ стихахъ: «Госпиталь въ Петергофѣ», героями котораго, между прочимъ являются кн. А. И. Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и И. И. Поливаповъ—тотъ и другой товарищи Лермонтова. Все это живые, бойко рифмованные разсказы, стихи звучные, но содержаніе — по своей скабрезности—едва-ли не превосходитъ произведенія пресловутаго Баркова.

Какъ человѣкъ самолюбивый, искавшій всегда первенства и превосходство надъ другими, Лермонтовъ во всѣхъ забавахъ и шалостяхъ товарищей игралъ дѣятельную и важную роль, и выкидывалъ дерзкія легкомысленныя штуки въ то самое время, когда умъ его былъ полонъ серьезнѣйшихъ думъ, и сердце трепетало отъ избытка высокихъ чувствъ. Одинъ изъ школьныхъ товарищей разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: что «по вечерамъ послѣ учебныхъ занятій,

[1]) Эта школа, а затѣмъ училище дало образованіе за шестьдесятъ восемь лѣтъ—3.880 лицамъ. Изъ нихъ мы встрѣчаемъ многихъ высоко стоящихъ на іерархической лѣстницѣ чиновъ и должностей, или извѣстныхъ своею общественною дѣятельностью.—Для осязательнаго увѣковѣчиванія памяти о Лермонтовѣ въ Николаевскомъ кав. училищѣ, въ Петербургѣ устроенъ съ 1883 г. «Лермонтовскій музей».

Лермонтовъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи старясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами». По людями этихъ серьезныхъ работъ онъ дѣлился только съ нѣкоторыми избранными друзьями, скрывая ихъ отъ другихъ юнкеровъ. Одинъ изъ его товарищей, безъ вѣдома самаго поэта передалъ книгопродавцу-издателю Смирдину поэтическій разсказъ Лермонтова «Хаджи-Абрекъ», и тотъ напечаталъ его въ журналѣ «Библіотека для чтенія» [1]). Самъ-же Лермонтовъ нисколько не гонялся за авторскою извѣстностью, не спѣшилъ печатать своихъ сочиненій, почему многія его произведенія написанныя имъ еще въ школѣ, явились въ печати черезъ пять шесть лѣтъ.

Извѣстный А. И. Муравьевъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Однажды Лермонтова товарищъ по школѣ, лейбъ-гусарь Цейдлеръ, приноситъ мнѣ тетрадь стиховъ неизвѣстнаго поэта, и не называя его по имени проситъ только сказать мое мнѣніе о самихъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова «Демонъ». Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова». Впослѣдствіи Лермонтовъ уже офицеръ, бывалъ у Муравьева. «Онъ просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ. Живая и остроумная его бесѣда была увлекательна; анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха». Вскорѣ послѣ того, написанная Лермонтовымъ комедія представлявшая рѣзкую критику на современные нравы не смотря на всѣ старанія Мордвинова и другихъ не была дозволена къ печатанію.

Нѣкоторые подпрапорщики мало и рѣдко сближались съ кавалерійскими юнкерами, которые называли ихъ «крупою» и «пѣхотинками» [2]). Обращеніе съ учащимися въ школѣ было самое гуманное; директоромъ былъ баронъ Шлипенбахъ. Ротой пѣхоты командовалъ полковникъ Гельмерсенъъ, кавалерійскимъ эскадрономъ — полковникъ Стуклерійскимъ эскадрономъ — полковникъ Стуклерійскимъ эскадрономъ — полковникъ Стукл

афрѣева, между прочимъ выразился о немъ: — «Поручикъ Лермонтовъ, во время штурмовъ непріятельскихъ завалъ на рѣкѣ Валерикѣ, не смотря ни на какія опасности, исполнилъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы». Лермонтовъ былъ представленъ къ ордену св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, что для молодого офицера въ чинѣ поручика считалось и считается высокою наградою. Генералъ-адъютантъ П. Х. Граббе и генералъ Шварцъ, признавая Михаила Юрьевича за отличнаго боеваго офицера, хлопотали о награжденіи его означеннымъ орденомъ. Высшее начальство представило Лермонтова только къ ордену св. Станислава 3 ст.

О своихъ подвигахъ храбрости Лермонтовъ въ стихотворномъ письмѣ къ любимой женщинѣ не упоминаетъ даже и намекомъ. Кажется, будто онъ участвовалъ лишь какъ посторонній зритель:

«На берегу подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ.
Покрытый пылью, на шинели,
Спиною къ дереву лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась...
...На рукѣ опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали...»

Это прекрасное мѣсто въ письмѣ вдохновило нашего извѣстнаго, тоже слишкомъ рано погибшаго, художника-академика Вячеслава Григорьевича Шварца [1]) (сына генералъ-лейтенанта Г. Е. Шварца), и онъ еще въ молодыхъ годахъ изобразилъ эту сцену. Рисунокъ сначала сдѣланъ былъ перомъ, а затѣмъ Шварцъ написалъ картину красками. Картина эта замѣчательная по композиціи, находится въ Одессѣ у двоюродной сестры Шварца, Маріи Мих. Леонтовичъ, дочери генерала М. Е. Шварца.

Въ февралѣ 1841 года Лермонтову выхлопотано было разрѣшеніе на нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхать въ Петербургъ, для свиданія съ больной бабушкой. Тогда было напечатано первое полное собраніе его стихотвореній и «Герой нашего времени».

Публика съ восторгомъ встрѣчала каждое новое произведеніе поэта. Петербургскій «beau monde» встрѣтилъ его съ увлеченіемъ; Лермонтовъ былъ тогда на той высшей ступени своей извѣстности, до которой ему только суждено было дожить. Два мѣсяца проведенные тогда въ столицѣ были самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ; обыкновенно по утрамъ онъ писалъ, а вечеромъ въ кругу близкихъ въ дружественной обстановкѣ онъ читалъ свои прелестные стихи. Отпускъ его приходилъ къ концу, бабушка по причинѣ дурного состоянія дорогъ отъ распутицы не могла прибыть изъ имѣнія въ Петербургъ. Лермонтову пришлось просить объ отсрочкахъ въ которыхъ было сначало ему отказано, а потомъ они были взяты штурмомъ, благодаря высокимъ покровительственнымъ вліяніямъ. «Лермонтову очень не хотѣлось ѣхать на Кавказъ говоритъ графиня Растопчина [2]), у него были разнаго рода дурныя предчувствія. Наконецъ, около конца апрѣля мы собрались на прощальный ужинъ, чтобы пожелать ему добраго пути. Я изъ послѣднихъ пожала ему руку. Во время всего ужина и на прощаньи, Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидавшей его смерти. Я заставляла его молчать и стала смѣяться надъ его казавшимися пустыми предчувствіями, но они поневолѣ на насъ всѣхъ оказали свое вліяніе. Лермонтовъ выстрѣлъ, во второй разъ, похитилъ у Россіи драгоцѣнную жизнь, составлявшую національную гордость».

Лермонтовъ отправился въ послѣдній путь на Кавказъ, съ своимъ двоюроднымъ братомъ и другомъ Столыпинымъ. По пріѣздѣ въ ожиданіи экспедиціи, онъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ. Здѣсь у него составился кружокъ близкихъ пріятелей, гдѣ кромѣ Столыпина были: кн. А. И. Васильчиковъ [1]), М. П. Глѣбовъ [2]), кн. С. В. Трубецкой, кн. А. И. Долгорукій [3]) и др. Здѣсь-же Лермонтовъ встрѣтился и съ отставнымъ маіоромъ Н. С. Мартыновымъ товарищемъ по школѣ. Онъ служилъ раньше въ л.-гв. кавалергардскомъ полку, прибылъ вмѣстѣ съ братомъ на Кавказъ въ 1839 г. и участвовалъ въ экспедиціи подъ Ахульго. Я. И. Костецкій въ своихъ воспоминаніяхъ о службѣ на Кавказѣ пишетъ: «Мартыновъ былъ красивый, молодой высокаго роста офицеръ. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, не дурно пѣлъ, и полонъ надеждъ: онъ все мечталъ о чинахъ, орденахъ и думалъ не иначе какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральнаго чина.—Въ 1841 г. я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи. Вмѣсто генеральскаго чина, онъ былъ уже въ отставкѣ всего маіоромъ, и изъ веселаго, свѣтскаго, изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ то дикаремъ: отростившимъ огромные бакенбарды, въ красномъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, нахлобученной папахой, вѣчно мрачный и молчаливый. Причина такой скорой перемѣны было желаніе Мартынова играть роль Печорина героя тогдашняго времени, котораго Мартыновъ, къ несчастію и дѣйствительно олицетворялъ собою» [4]).

Минеральный сезонъ въ Пятигорскѣ въ 1841 г. былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ, такъ какъ пріѣхало много очень лицъ и изъ Петербурга. Въ Пятигорскѣ жило въ то время семейство генерала Верзилина, находившагося на службѣ въ Варшавѣ, состоявшее изъ матери и дочерей — дѣвицъ. Это былъ единственный домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ почти ежедневно собиралась вся изящная фешенебельная молодежь Пятигорскихъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ былъ Лермонтовъ, и гдѣ бывалъ часто и Мартыновъ. Въ особенности привлекала въ этотъ домъ старшая Верзилина—Эмилія, которая еще во время посѣщенія Пятигорска Пушкинымъ прославлена была имъ «какъ звѣзда Кавказа»; дѣвушка умная, образованная, свѣтская, до невѣроятности обворожительная, превосходная музыкантша на фортепіано, она была и лихая наѣздница [5]).

Кромѣ двухъ взрослыхъ дочерей въ семействѣ Верзилиной была еще третья—Надежда Петровна, прелестная дѣвушка не достигшая еще шестнадцати лѣтняго возраста. Она отличалась своею веселостью и миловидностью. Вся молодежь тоже была очарована ею, но больше всѣхъ ухаживали за нею Лермонтовъ и Мартыновъ; послѣднему и она, повидимому, оказывала особое предпочтеніе. Это сильно не нравилось Лермонтову и онъ язвилъ своего товарища всевозможными остротами, всегда старались, чтобы ихъ слышали дамы.

Весело и хорошо тогда жилось въ Пятигорскѣ: пикники, кавалькады, танцы и балы почти ежедневно. Молодежь вполнѣ веселилась. «Въ началѣ іюля, пишетъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ Эмилія Ал. Шанъ-Гирей, уроженная Верзилина, Лермонтовъ съ компаніей устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны. Гротъ внутри примило былъ убранъ шалями и персидскими коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонариками. Данскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ, украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебно фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки. Лермонтовъ иногда бывалъ очень веселъ, болтливъ до шалости; бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку—мышку, въ серсо; потомъ все это онъ изображалъ въ каррикатурахъ, что насъ смѣшило. Однажды сестра младшая просила его написать ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили всѣ толпой, дали перо въ руки и говорятъ «пишите». И написалъ онъ шутку-экспромтъ.

Надежда Петровна
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжно...
На плечѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche!

Н. П. Верзилина имѣла на поясѣ маленькій кинжалъ перушку.—Въ тотъ-же самый вечеръ на Мартынова Лермонтовъ нарисовалъ каррикатуру, показавъ ее дамамъ... Съ іюля съ каждымъ днемъ отношенія Лермонтова и Мартынова, двухъ прежнихъ пріятелей становились все болѣе холодными и натянутыми. Раздражительность усиливалась вслѣдствіи насмѣшекъ Лермонтова. Такъ шло до того роковаго вечера, съ котораго прекратились навсегда веселье и сборы молодыхъ людей въ гостепріимномъ домѣ Верзилиной. 13 Іюля въ этотъ послѣдній вечеръ составились танцы подъ фортепіано. «Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, пишетъ Э. А. Шанъ-Гирей, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразиванія. Тогда перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: M-lle Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la derniere fois de ma vie».—Ну ужѣ такъ и быть въ послѣдній разъ, пойдемте... М. Ю. далъ слово не сердить меня больше и мы провальсировали усѣлись мирно разговаривать.

Къ нимъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить въ запуски. Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смѣшного много, но вотъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго съ сестрой Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ князь Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его «montagnard au grand poignard», (Мартыновъ носилъ при черкескѣ большой кинжалъ). Это сказано было не громко, за общимъ говоромъ нельзя было-бы разслышать и въ двухъ шагахъ; но по несчастію кн. Трубецкой въ эту самую минуту кончилъ играть, все умолкло и слова Лермонтова раздались по залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: «сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: *язикъ мой, врагъ мой*, М. Ю. отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis» [1]).

Когда стали расходиться, въ передней-же Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «чтожъ, на дуэль что ли вызываешь меня за это?» Мартыновъ отвѣтилъ Всѣ старанія товарищей къ ихъ примиренію оказались напрасными...

На водахъ въ то время жилъ генералъ, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, чистѣйшій аристократъ и человѣкъ очень богатый. 15 іюля были его имянины, князь пригласилъ большое общество вечеромъ къ себѣ на балъ; въ числѣ приглашенныхъ были Лермонтовъ, Мартыновъ и ихъ знакомые. Балъ долженъ былъ происходить въ Казенномъ саду и для него нарочно въ теченіи нѣсколькихъ дней строили обширный, роскошный павильонъ. Собираться должны были гости къ 7 часамъ вечера, но съ пяти часовъ сталъ накрапывать мелкій дождь, затѣмъ сильнѣй и сильнѣй и разразился ливнемъ съ страшной грозой; оглушительные удары грома повторялись одинъ за однимъ, а раскаты въ горахъ не умолкали. Въ исходѣ 5 часа, еще до грозы, Лермонтовъ съ секундантами Столыпинымъ, Васильчиковымъ и Глѣбовымъ, а Мартыновъ съ Трубецкимъ выѣхали къ мѣсту дуэли, которая назначена была въ 6½ часовъ вечера. Барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шагахъ и отъ него въ обѣ стороны еще на 10 шаговъ. Мартыновъ и Лермонтовъ стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли, каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Когда секунданты скомандовали сходиться, Лермонтовъ остался неподвижнымъ и взводя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ. Мартыновъ-же быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и такъ долго цѣлился, что секунданты закричали ему «стрѣляйте! или мы васъ разведемъ». Мартыновъ выстрѣлилъ; пуля попала въ правый бокъ, пробила легкія и вылетѣла насквозь. Лермонтовъ былъ убитъ наповалъ... Послѣ дуэли кн. Васильчиковъ и другіе присутствовавшіе поѣхали въ городъ за докторами, но вслѣдствіи грозы и ливня не могли пріѣхать ни одного изъ нихъ: всѣ ссылались на ужасную погоду. Глѣбовъ остался при убитомъ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, какіе мучительные часы провелъ онъ, оставшись одинъ въ лѣсу, сидя на травѣ подъ проливнымъ дождемъ. Голова Лермонтова покоилась у него на колѣняхъ—было темно, лошади привязанныя ржатъ, рвутся, бьютъ копытами о землю, молнія и громъ безпрерывно; необъяснимо страшно было. И Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить голову на шинель, но при этомъ движеніи ему показалось, что Лермонтовъ вздохнулъ. Глѣбовъ остался недвижимъ и такъ пробылъ, пока пріѣхали дрожки, на которыхъ и перевезли Лермонтова на его квартиру, куда прибыли уже и доктора.

Къ 9 часамъ вечера буря утихла, вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила... Страшная вѣсть быстро разнеслась по городу. Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые-же его и товарищи—изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, но никто ничего не зналъ тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полночи. Всѣ говорили шопотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухѣ и не разбудили бы поэта, спавшаго уже непробуднымъ сномъ.....

Мартыновъ съ мѣста дуэли отправился къ коменданту, сообщилъ ему о происшедшемъ поединкѣ и о смерти Лермонтова. Не успѣли смолкнуть толки о грозѣ и неудавшемся балѣ, какъ вдругъ извѣстіе неожиданнѣе грозы, да и ударъ, конечно, былъ оглушительнѣе. Новость съ быстротою молніи распространилась по городу и поразила всѣхъ, какъ внезапный громовой раскатъ среди яснаго дня.... Сразу все оживилось: всѣ ѣздили и бѣгали другъ къ другу, чтобы узнать что нибудь. Всѣ сожалѣли, ахали, охали, винили знакомыхъ Лермонтова за то, что тѣ не могли предупредить.... Словомъ, произошло то же, о чемъ писалъ самъ покойный, когда умеръ Пушкинъ:

«....Рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужныхъ хоръ
И жалкій лепетъ оправданья...»

Добрый старикъ Ильяшенко, любившій и уважавшій Лермонтова, узнавъ о его смерти, заплакалъ навзрыдъ; успокоившись немного, онъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. 16 іюля составлена была опись имущества Лермонтова и всѣ бумаги его были запакованы и по почтѣ при донесеніи отправлены шефу жандармовъ гр. Бенкендорфу. Во время производства описи въ квартирѣ покойнаго, народу набралось не только полный дворъ, но заняли и улицу передъ домомъ. И опять всѣ, разумѣется толковали и спрашивали о причинѣ катастрофы, осуждали съ негодованіемъ Мартынова, сидѣвшаго уже подъ арестомъ. Нацъ-маіоръ полковникъ Унтиловъ едва могъ успокоить массу собравшихся, говоря что это не злонамѣренное убійство, а поединокъ. Постепенно, однако, и послѣ прибытія казаковъ, народъ разошелся со двора. Дуэль вызвала много сожалѣній, слезъ и еще больше нескончаемыхъ толковъ, а также различныхъ предположеній на счетъ судьбы оставшагося въ живыхъ виновника и участниковъ поединка. Похороны нашего поэта, которому столь обязана вся Россія и славой и эстетическими наслажденіями, безвременно погибшаго, происходили при безпримѣрномъ въ Пятигорскѣ стеченіи публики. Сначала, не смотря на всѣ старанія друзей Лермонтова, пятигорскіе священники не соглашались хоронить усопшаго по христіанскому обычаю, боясь нарушить законъ, полагая что онъ самоубійца. Прибывшій изъ Ставрополя начальникъ штаба полковникъ Траскинъ лично уговорилъ протоіерея Павла Александровскаго, и нашъ поэтъ былъ погребенъ со всею святостью и при полныхъ почестяхъ. Гробъ несли товарищи....

Прошло нѣсколько недѣль, пока не было получено Высочайшее повелѣніе судить Мартынова и секундантовъ военнымъ судомъ въ Пятигорскѣ. Рѣшеніемъ суда Мартыновъ приговоренъ былъ къ продолжительному заключенію въ крѣпость, а кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ отдѣлались болѣе легкимъ наказаніемъ. Все военно-судное дѣло сдано коменданту для храненія въ архивѣ его канцеляріи, а теперь находится въ Петербургѣ въ Лермонтовскомъ музеѣ.

Извѣстіе о смерти Лермонтова было тогда сообщено въ формѣ такого свѣдѣнія изъ Пятигорска: «15 іюля, около 6 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ; въ это самое время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался лежившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ....»

Столь интересовавшійся ростомъ изящной литературы, Императоръ Николай Павловичъ при полученіи донесенія изъ Тифлиса о кончинѣ Лермонтова, выразился такъ: «Получено изъ Кавказа горестное извѣстіе, Лермонтовъ убитъ на дуэли Жалѣю его. Это поэтъ, подававшій великія надежды» [1]). Горесть Государя Императора и всего русскаго образованнаго общества по кончинѣ поэта раздѣляла пріѣхавшая тогда въ Петербургъ великая герцогиня Веймарская Марія Павловна.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ погребенія въ Пятигорскѣ, бабушка, «имѣвшая несчастіе пережить своего дорогого внука и любимца», какъ выражалась она въ письмѣ къ родственницѣ А. Кологривовой, перевезла его гробъ въ с. Тарханы (Чембарскаго уѣзда, Пензенской губ.), въ воздвигнутую въ его память небольшую часовню. Е. А. Арсеньева, пережившая всѣхъ близкихъ и дорогихъ ея сердцу, скончалась одна на 86 году жизни. Она весь остатокъ жизни своей оплакивала потерю внука такъ сильно, что вѣки и глазъ ея совершенно ослабѣли отъ слезъ.

Мѣсто временнаго погребенія Лермонтова на Пятигорскомъ кладбищѣ отошло подъ выстроенную впослѣдствіи церковь.

Мартыновъ, своимъ выстрѣломъ нанесшій страшный ударъ цѣлой Россіи и, можно сказать, всему образованному міру одновременно съ лишеніемъ жизни поэта, долго еще жилъ за-границей, а въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ. Всѣ близкіе ему старательно избѣгали произнести имя Лермонтова, чтобы не возбудить въ немъ непріятнаго воспоминанія о горестномъ днѣ дуэли.

Мартыновъ до конца своей жизни мучился и страдалъ оттого, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова, и въ годовщину этого роковаго событія, удалялся всегда на нѣсколько недѣль въ какой-либо изъ Московскихъ монастырей на молитву и покаяніе... Изъ кавказскихъ современниковъ Лермонтова осталось въ живыхъ четыре человѣка и извѣстный въ Пятигорскѣ К. И. Карповъ, или «маіоръ Карповъ»; живъ также въ Пятигорскѣ крестьянинъ Иванъ Андреевъ Чухнинъ; былъ прежде по профессіи извощикъ, старикъ 72 лѣтъ. Онъ находился при перевозкѣ Лермонтова съ мѣста дуэли. Онъ очень хорошо помнитъ поэта, по свидѣтельству многихъ бесѣдовавшихъ съ Чухнинымъ.

Въ настоящее время въ Пятигорскѣ красуется памятникъ, воздвигнутый великому поэту на пожертвованія всей читающей Россіи и торжественно открытый 16 августа 1889 года.

Статуя, исполненная Опекушинымъ, изображаетъ Лермонтова сидящимъ на обломкѣ скалы въ задумчивой позѣ, склонивъ голову на правую руку. На немъ разстегнутый офицерскій сюртукъ и спущенная съ плечъ шинель. Взглядъ поэта устремленъ вдаль, на вершины Кавказскихъ горъ, панорама которыхъ открывается съ мѣста постановки памятника.

Вышина статуи 3½ аршина; гранитная, неотесанная скала, служащая пьедесталомъ, украшена отлитымъ изъ бронзы-же рельефомъ лиры, перевитой лавровымъ вѣнкомъ, съ продѣтымъ въ него перомъ.

На возможный вопросъ: почему памятникъ всероссійскому геніальному поэту поставленъ на такой далекой окраинѣ Россіи, лучше всего отвѣтятъ слѣдующія строки посвященія къ поэмѣ «Демонъ»:

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благословли
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизмѣнной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.
Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гостяхъ съ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.
Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ,
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружный зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.....

Но и окончить жизнь суждено было поэту на Кавказѣ-же, почти на мѣстѣ постановки памятника. Роковая дуэль, на которой палъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, происходила въ полутора верстахъ отъ Пятигорска, у подошвы горы Машука.

За полстолѣтія теперь, конечно, мѣстность въ окружности невозможно узнать. Кустарники прежніе разрослись давнымъ давно въ могучія деревья; тамъ, гдѣ были лѣса когда-то, проложены дороги....

Часовня въ с. Тарханахъ, гдѣ покоится Лермонтовъ вмѣстѣ со своимъ дѣдомъ, бабкой матерью, какъ передаютъ посѣтившіе ее въ текущемъ году, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ. Слова Св. Тропаря: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», начертанныя по карнизу внутри часовни, наполовину отъ сырости потускнѣли. Намогильный памятникъ изъ чернаго лабрадора слишкомъ скроменъ для великаго поэта и если-бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ и въ которую заносятъ свои имена случайные туристы, то можно было-бы подумать, что сюда никогда никто не заходитъ и не заглядываетъ: въ такомъ печальномъ видѣ находится мѣсто, гдѣ покоится прахъ Михаила Юрьевича Лермонтова.

По словамъ г. пролина, печатающаго въ настоящее время въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ» свои воспоминанія о посѣщеніи родины и могилы Лермонтова, въ с. Тарханахъ предполагается воздвигнуть памятникъ, а въ Пензѣ памятникъ-бюстъ геніальному поэту, преждевременная кончина котораго помѣшала вполнѣ разцвѣсть его таланту и проявиться во всей чарующей своей силѣ и величіи.

Всѣ изданія сочиненій Лермонтова, начиная съ тоненькой книжки съ 28 стихотвореніями и до послѣдняго вышедшаго въ февралѣ 1891 г. включительно, печатались въ типографіи постоянныхъ издателей всѣхъ сочиненій Лермонтова Глазуновыхъ, кромѣ изданія 1847 г., Смирдинскаго, къ полному собранію сочиненій русскихъ авторовъ, напечатанаго въ типографіи Академіи наукъ, и перваго отдѣльнаго изданія. Сочиненія Лермонтова сразу очень понравились и за-границей, что можно заключить изъ множества появившихся переводовъ, послѣ первыхъ французскихъ. «Герой нашего времени» [1]), особенно много былъ переведенъ; изъ извѣстныхъ намъ переводовъ вышло: французскихъ девять и отдѣльно—«Кн. Мери» и «Тамань»; нѣмецкихъ семь, польскихъ четыре, англійскихъ семь, датскихъ два, шведскихъ три. Отрывки были переведены и на другіе языки [2]).

Первый переводъ былъ помѣщенъ въ газетѣ «Democratie pacifique», въ фельетонѣ 4 ноября 1843 г. подъ заглавіемъ: «Ue Héros du cicle, ou les Russes dans le Caucase». Второй переводъ—„Un saison de bains au Caucase. Paris 1854 par le Duc Leouzon". Оба перевода невѣрны и исковерканы. Лучшій переводъ былъ помѣщенъ въ журналѣ Дюма 1855 г. «Le Mous, quetaire», scenes de la vie Russe dans le Caucase.

«Я первый, восклицаетъ А. Дюма, въ своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ, я первый познакомилъ Францію съ геніальнымъ русскимъ неизвѣстнымъ поэтомъ». И это восклицаніе повторено имъ три раза въ путевыхъ впечатлѣніяхъ по Россіи и по Кавказу. Но какое самообольщеніе—переводъ, изданный Дюма, по счету пятый на французскомъ языкѣ, независимо отъ нѣмецкихъ и другихъ переводовъ. Въ «Мускатерѣ» переводъ не дуренъ, но попадается много неточностей и курьезовъ. Ограничимся только нѣкоторыми, напримѣръ: мирной князь—переведено: ami de la paix; джигитовка — dance nationale de Djigete; Карагёзъ — Karaguz fille (!!?) noire, nom de cheval, Терекъ—Ferek. Узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись (т. I стр. 320) переведено: et virent que j'étais un officier, elles se détournérent de moi avec dégout; гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ — ou des ruisselets coulent à l'ombre de gigantesques géraniums. Поговорка: гдѣ намъ дуракамъ чай пить! передана нельзя сказать остроумно: En quels lieux avons nous gardés les oies emsembles, т. е. въ какихъ мѣстахъ мы вмѣстѣ сторожили гусей (?!!). Слово родинка переведена verrue, т. е. бородавка, вмѣсто tâche de naissance или envie и т. д.; впрочемъ еще отмѣтимъ одну уже совершенную нелѣпость, напр. стр. 57 en Russe, *Osset* signifie âne, т. е, осетинъ по русски означаетъ—*Оселъ*.

Богато курьезами и другое изданіе 1873 г., переводъ Шопена, подъ заглавіемъ „Béla", nouvelle circassienne par Lermontof». У него георгіевскій солдатскій крестикъ, переведено—oubrille une croix de l'armée de Georgie, т. е. на которомъ блеститъ крестъ грузинской арміи. — Ты пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣ завтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше, переведено (стр. 136): Par pour une huitaine pour Kislovodsk.... Nous partons après-demain... La princesse ne viendra que plus tard. Шопенъ поставилъ pour (на) вмѣсто dans (черезъ) и вышла безсмыслица. Пѣсенка изъ «Тамани» и пѣсня Казбича въ стихахъ передали мысли поэта довольно вѣрно.—Въ 1863 г. изданъ былъ въ Нагинжѣ переводъ графомъ де Ловле «Un duel

[1]) Кн. А. И. Васильчиковъ одинъ изъ сыновей предсѣдателя государственнаго совѣта, умершаго 1847 г. Находился по окончаніи курса въ университетѣ, при ревизующемъ сенаторѣ Гавѣ, умершемъ въ Одессѣ. — Кн. А. И. Васильчиковъ авторъ замѣчательнаго труда „О самоуправленіи".

[2]) Товарищъ Лермонтова по гусарскому полку, адъютантъ князя Воронцова, убитъ въ бою подъ Салтами въ 1847 г.

[3]) Тоже лейбъ-гусаръ, убитой на дуэли княземъ Яшвилемъ въ 1842 г.;

[4]) Воспоминанія Костенецкаго. Рус. Старина, томъ XIV, 1873 г.

[5]) Воспоминанія Костенецкаго. Рус. Старина, томъ XIV, 1873 г. [illegible] воспоминаніе о Лермонтовѣ. Нашъ поэтъ очень любилъ семейство Верзилиныхъ и имѣлъ въ виду это семейство, когда говорилъ комплиментъ кавказскимъ дамамъ отъ лица Печорина.

Гжа Шанъ-Гирей живетъ безвыѣздно въ Пятигорскѣ и состоитъ тамъ предсѣдательницей мѣстнаго благотворительнаго общества. Сестра ея умерла въ 50-хъ годахъ.

[1]) О В. Г. Шварцѣ напечатано въ періодическихъ журналахъ очень много; въ „Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ", ему посвящена прекрасная статья В. В. Стасова.

[2]) Воспоминанія гр. Е. П. Ростопчиной, Рус. Архивъ т. III—1879. (съ французскаго).

[1]) „Герой нашего времени", въ три года, съ 1840—43 годъ, имѣлъ три изданія, что у насъ въ Россіи довольно большая рѣдкость; оно впрочемъ и неудивительно, такъ какъ подобныхъ твореній въ нашей литературѣ не много.

[2]) Итальянскій, Шведскій, Датскій, Финскій, Латышскій и на разныя Славянскія нарѣченія.

типизмъ, внутренній міръ мыслей и чувствъ, настроеній, ощущеній—очень сложенъ. Отрѣшившись отъ общепризнаннаго, личность погружалась въ свои стремленія, чувства, мысли и обобщенія, придаваясь анализу своихъ настроеній и, отвращаясь отъ міра внѣшней дѣйствительности, этимъ постояннымъ самопротиворѣчіемъ вырабатывала въ себѣ цѣлую систему ощущеній, необыкновенно сложную, запутанную. Она утратила спокойное, простое отношеніе къ предметамъ. Въ вѣчной войнѣ со своими грезами, со своими муками, противорѣчіями и колебаніями, со своими прихотливыми вычурными фантазіями, она такъ раздвоилась, такъ развинтилась, что дѣйствительно стала представлять для посторонняго спокойнаго наблюдателя загадочное явленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отличать отъ дѣйствительно *непонятныхъ*—тѣхъ модныхъ героевъ, которые играли въ непонятыхъ и въ которыхъ собственно и понимать-то было нечего, за отсутствіемъ въ нихъ всякаго важнаго и значительнаго содержанія. Дѣйствительно непонятымъ былъ, напримѣръ, Манфредъ. Моднымъ скорбникомъ былъ Грушницкій въ романѣ Лермонтова. Но между этими двумя крайностями расположены разнообразныя промежуточныя формаціи того-же обширнаго типа разочарованныхъ. Печоринъ составляетъ, такъ сказать, среднее звено въ этой цѣпи; трудно, въ самомъ дѣлѣ, рѣшить, чего въ Печоринѣ больше—фанфаронства или настоящихъ страданій, когда онъ рисуется и когда на самомъ дѣлѣ мучается,—подмѣчаніе въ Печоринѣ тѣсно сошлось съ дѣйствительнымъ скептицизмомъ, напускное сливается у него съ натуральнымъ. И это слитіе двухъ различныхъ элементовъ составляетъ, на мой взглядъ, самый высокій художественный образъ необыкновенной силы и правды.

Печоринъ также, какъ и Евгеній Онѣгинъ,—разочарованный юноша, ненавидящій общество и испорченный свѣтомъ, съ безпокойнымъ воображеніемъ, съ ненасытнымъ сердцемъ; это—говоря словами самого Лермонтова,—«портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи». Онъ какъ и Онѣгинъ, разочарованъ жизнью, но уже не потому только, что промоталъ молодость и встрѣтилъ измѣну въ друзьяхъ и въ женщинахъ, а вмѣстѣ и отъ того, что не нашелъ отвѣтовъ на запросы ума и сердца. «Цѣлая моя жизнь,—говоритъ Печоринъ,—была только цѣпью грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку — Зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала и вѣрно мнѣ было назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя...» Наконецъ, не находя пищи для жадной души и въ самыхъ тревогахъ жизни, ненаходя возможности въ удовлетвореніи сердца и ума, онъ впадаетъ въ отчаяніе, при горькомъ сознаніи того, что «мы не способны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность». Въ этой то печальной увѣренности въ невозможность жертвъ для блага человѣчества и для собственнаго счастья, заключается источникъ всѣхъ пороковъ Печорина, причина его бездѣйствія и лихорадочной дѣятельности, его пресыщенія и неутолимой жажды.

Но какимъ образомъ закрался этотъ скептицизмъ, это разочарованіе въ душу русскаго человѣка? У европейца начала нынѣшняго столѣтія оно понятно, и имѣетъ явныя историческія и соціальныя причины, но у русскаго человѣка сороковыхъ годовъ.—это загадочное явленіе, которое на первый взглядъ кажется напускнымъ фанфаронствомъ или обезьянничаньемъ запада. Оно превосходно объяснено, на мой взглядъ Дудышкинымъ въ его статьѣ о Лермонтовѣ. «Въ нашемъ обществѣ,—говоритъ онъ,—не было тогда ни малѣйшаго движенія; вопросы громоздились надъ вопросами въ умахъ юношеней и возмужалыхъ людей, безъ всякаго удовлетворительнаго практическаго ихъ рѣшенія; жажда дѣятельности не находила никакого исхода. Единственное убѣжище мысли и чувства—литература была доведена до безличія тѣми отвлеченностями, которыми должны были говорить писатели; литературу высшее общество презирало, потому что оно презирало мысль и чувство; презрѣніе это выражали прямо, не скрывая, потому что общественнаго мнѣнія не было, лучшіе люди нашего отечества, Пушкинъ и Лермонтовъ, дошли до того, что неохотно ставили на первый планъ свою литературную знаменитость. Не ума требовало общество отъ образованнаго человѣка, а выполненія заведеннаго порядка. Немногимъ досталось на дѣлѣ увидѣть исходъ этого положенія,—Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь его не видѣли; а тѣ, кто его дождался, тѣ уже утратили столько свѣжести чувствъ, столько похоронили надеждъ, что были довольны каждою милостыней, которую имъ подавали... Тогда-то, въ сороковыхъ годахъ, развилось въ нашей литературѣ, со всею силой полнѣйшее отрицаніе всего существеннаго, отъ личности человѣка, до основъ общества включительно; то было время «Мертвыхъ душъ» въ литературѣ и такихъ-же мертвыхъ душъ въ жизни. Въ эту-то эпоху, въ среду

Amort, par Lermontoff». Переводъ довольно вѣрный, но есть (на стр. 7) курьезъ опять про георгіевскій солдатскій крестъ — Où brillait resplendissante la medaille de l'armée Géorgie, т. е. на которой блистала и учезарко, медаль *грузинской* арміи: тоже грузинская армія, но крестъ замѣненъ медалью.

Лучшіе переводы, какъ «Герой нашего времени» и изъ многихъ стихотвореній Лермонтова это на нѣмецкомъ языкѣ, особенно въ 1852 г. Боденштедта и изданія 1868 г., а также одинъ англійскій 1877 г. преимущественно прозы, но предисловіе этой книги претензіонно-политическое: рѣчь идетъ ни въ того, ни съ сего о восточномъ вопросѣ и на цѣлыхъ трехъ страницахъ. — Первое изданіе разошлось быстро; англичанки зачитывались произведеніемъ нашего поэта.

Во время проѣзда Лермонтова на Кавказъ чрезъ Москву онъ познакомился съ извѣстнымъ Боденштедтомъ, который сталъ впослѣдствіи переводчикомъ его стихотвореній на нѣмецкій языкъ и оставилъ о немъ любопытныя воспоминанія и характеристику нашего поэта, которая заканчивается такъ: «О томъ какъ свято Лермонтовъ чтилъ искусство, мы можемъ судить по его стихотворенію «На смерть Пушкина», по драматической сценѣ «Журналистъ, читатель и писатель», по превосходнымъ пьесамъ: «Пророкъ», «Поэтъ» и по множеству повсюду разбросанныхъ мыслей. О томъ какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ неразрѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня «Дума». М.

Доступенъ-ли Лермонтовъ вниманію народа.

Какъ извѣстно, есть прекрасная и, къ сожалѣнію, мало распространенная книга «Что читать народу». Харьковскія народныя учительницы остановились на счастливой мысли, открывъ для простого народа рядъ воскресныхъ чтеній изъ русской литературы, прослѣдить —что доступно пониманію народа, что нравится и не нравится ему, какъ и что думаетъ онъ о прочитанномъ.

Замыселъ удался. Учительницы не только сумѣли подойти къ разрѣшенію намѣченныхъ ими вопросовъ, а и быть свидѣтельницами безконечнаго ряда сценъ, въ которыхъ сказалось непосредственное, чуткое, чистое сердце простонароднаго читателя.

Постоянно, когда назначалось въ какой-либо школѣ воскресное чтеніе, классная комната переполнялась рабочими, мастеровыми, горничными, швеями, подвенщицами. Старики и взрослые перемѣшивались съ дѣтьми. Почти всегда повторялась одна и та-же картина. Неподвижно, съ замираніемъ сердца слѣдятъ собравшіеся за чтецомъ. Улыбки смѣняются вздохами, веселый смѣхъ слезами, смотря по ходу повѣствованія. Подчасъ слышатся рыданія... Аудиторія живетъ жизнію сердца, волнуется, трепещетъ...

Одной изъ такихъ аудиторій пришлось однажды прослушать и тоге, чей памяти посвященъ настоящій день.

Читалась «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ». Слушателями явились исключительно женщины возрастомъ отъ 15 до 28 лѣтъ. Онѣ замерли, всѣ превратились въ слухъ и вниманіе, очарованныя дивной прелестью стиховъ и повѣсти поэта.

Напередъ задумавъ предложить слушательницамъ нѣсколько вопросовъ, учительница прерываетъ чтеніе съ намѣреніемъ спросить о прочитанномъ.

— Читайте до конца! пожалуйста! не спрашивай! говорятъ на все отвѣтъ! раздаются мольбы со всѣхъ сторонъ.

И снова тишина и напряженное вниманіе. И снова полные думъ взоры дѣвушекъ устремлены на чтицу.

Она кончила. Ни слова, ни восклицанія, только на лицахъ видно, какъ сильно впечатлѣніе. Это минута упоенія—та святая минута сладостнаго молчанія, когда все забыто, когда погрясенъ и нѣмъ человѣкъ,— нѣмъ отъ умиленія, отъ восторга, отъ наслажденія общеніемъ съ великимъ художникомъ, «ударившимъ по сердцамъ съ невѣдомою силой»...

Очнувшись послѣ такой минуты въ театрѣ, на концертахъ, на литературныхъ вечерахъ, на публичныхъ лекціяхъ, мы рукоплещемъ, бросаемъ цвѣты, стучимъ стульями.

Слушательницы, о которыхъ намъ разсказала харьковская учительница, очнувшись, заспорили о прочитанномъ. Полились горячія рѣчи.

Рѣчи эти стоятъ того, чтобы ихъ еще и еще разъ прочесть въ подлинномъ пересказѣ «изъ записной тетради учительницы». Въ нихъ вылилась вся искренность, вся страстность читателя изъ народа, вся его жажда чувствовать, мыслить, жить полной духовной жизнью. Изо дня въ день работающія въ потѣ лица—поденщицы, горничныя, швеи—горячо, перебивая другъ друга, спорили о любви, ревности, о Калашниковѣ и Кирибѣевичѣ, о стародавнихъ временахъ Грознаго Царя, о былыхъ нравахъ, о бабьихъ стонахъ, о тяжеломъ положеніи женщины въ то время, когда безъ всякой вины мужъ могъ заперѣть ее на всю жизнь, «чтобы свѣту Божьяго не видѣла»....

Лермонтовъ не только былъ понятъ, но и возбудилъ цѣлый рядъ вопросовъ.

Намъ невольно вспоминаются теперь слова Бѣлинскаго, которыми онъ закончилъ разборъ стихотвореній Лермонтова: «Уже недалеко то время,—писалъ Бѣлинскій,— когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ».

Бѣлинскій умѣлъ отгадать, что Лермонтовъ будетъ доступенъ пониманію русскаго народа; мы видѣли это въ живомъ фактѣ живой дѣйствительности. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, что имя Лермонтова сдѣлалось народнымъ, извѣстнымъ всему народу именемъ. Лермонтовъ доступенъ пониманію народа, но до сихъ поръ не былъ доступенъ его карману. Въ приложеніи къ той-же книгѣ, «Что читать народу?», помѣщено три каталога народно-школьной библіотеки для чтенія, въ этихъ каталогахъ, имѣвшихъ въ виду при рекомендаціи книгъ и ихъ дешевизну, нѣтъ ни одного сочиненія Лермонтова!

Порадуемся-же за народъ, для котораго съ нынѣшняго дня открывается возможность имѣть доступныя изданія поэта, и пожелаемъ, чтобы было побольше учителей и учительницъ, умѣющихъ указать народу все, что есть лучшаго у Лермонтова—тогда имя поэта, несомнѣнно, сдѣлается народнымъ именемъ.

Л—ковъ.

Иностранцы о Лермонтовѣ.

Мы, русскіе, очень часто при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ упрекаемъ иностранцевъ за то, что они насъ мало знаютъ. Дѣлая эти упреки, мы должны были-бы задумываться надъ тѣмъ, насколько мы сами знаемъ себя, наши силы, все, что есть у насъ великаго и достойнаго изученія.

Подумать объ этомъ особенно умѣстно сегодня. М. Ю. Лермонтова мы считаемъ своею гордостью, однимъ изъ лучшихъ украшеній родной литературы. Слѣдовало-бы ожидать, что въ теченіи полвѣка, прошедшаго со дня смерти поэта, мы успѣли изучить произведенія писателя, выяснить его значеніе для литературы и жизни, исчерпать и объяснить всѣ болѣе или менѣе важныя черты личности писателя и современной ему эпохи; а между тѣмъ, именно этого мы не сдѣлали. За исключеніемъ разбора стихотвореній Лермонтова, сдѣланнаго Бѣлинскимъ еще въ 1840 г., изслѣдованіе А. Н. Пыпина, появившееся въ 1873 г. при изд. сочиненій поэта П. А. Ефремовымъ, остается единственной достойной его оцѣнкой.

Невольно послѣ этого проникаеться чувствомъ уваженія къ иностранцамъ, которые съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ личности и произведеніямъ незабвеннаго поэта.

Они не ограничились простымъ ознакомленіемъ съ нимъ по переводамъ, появившимся на англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (на послѣднемъ библіографъ Шульцъ насчитываетъ не менѣе 13 переводчиковъ Лермонтова), а старались уяснить себѣ особенности и свойства его таланта, проникнуть въ его идеалы и даже указать его общественное значеніе, лучшіе возможные для него пути.

Наиболѣе удачныя попытки этого рода были сдѣланы французскими и нѣмецкими писателями. Мы ограничимся указаніями только нѣкоторыхъ.

Уже самая ранняя изъ нихъ, относящаяся къ 1845 г. (см. L'Illustration du 19 juillet 1845 t. R. V. Статья безъ подписи «La littérature russe contemporaine Puschkine, Lermontoff, Gogol) очень мѣтко обрисовываетъ характеръ и талантъ Лермонтова. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ неизвѣстный авторъ:

«У Лермонтова была одна изъ натуръ, одаренныхъ энергіей, страстныхъ и въ тоже время сосредоточенныхъ, которыхъ самый блистательный образчикъ мы находимъ въ лордѣ Байронѣ. Пылкая любовь къ независимости жгла его душу: казалось онъ былъ постоянно пожираемъ огнемъ внутренняго негодованія. Никто не писалъ въ Россіи стиховъ болѣе энергичныхъ, при простотѣ выраженія, при ихъ ясности, столь живыхъ и пренебрегающихъ всѣми излишними украшеніями. Вся его поэзія есть выраженіе души неукротимой, мрачно настроенной и пылкой... Его вдохновляла не мизантропія сердца, разочарованнаго и потерпутаго въ уныніе, а негодованіе о насильственномъ бездѣйствіи, ненависть, а не скука пустоты. Лермонтовъ былъ настоящій, великій поэтъ. Одинъ онъ и Пушкинъ съумѣли заставить говорить русскую женщину; онъ начерталъ великолѣпныя описанія, онъ создалъ мощные характеры. Хотя Лермонтовъ, такъ сказать, только промелькнулъ, но все-же онъ имѣлъ вліяніе, которое его пережило, и это потому, что, подобно Пушкину, онъ былъ въ высшей степени русскій, и былъ первымъ поэтомъ страсти, которую проявила Россія».

Подобный-же взглядъ на Лермонтова, какъ намъ кажется, еще съ большей силой высказываетъ и нѣмецкій переводчикъ и критикъ Лермонтова,—Боденштедтъ:

«У Лермонтова есть то общее съ великими писателями всѣхъ временъ, что творенія его отражаютъ его время со всѣми его дурными и хорошими особенностями, со всею его мудростью и глупостью, и что онъ имѣлъ въ виду бороться съ этими дурными особенностями и этою глупостью».

Иностранныя критики, разумѣется, не могли не обратить вниманіе на умѣнье Лермонтова давать то высокохудожественныя, то величественныя, то дышащія тихой нѣгой описанія картинъ природы. По мнѣнію Боденштедта, Лермонтовъ въ этомъ отношеніи, «стоитъ на недосягаемой высотѣ. Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу —удовлетворить въ одно и тоже время и естествоиспытателя, и эстетика».

Какъ-бы продолжая эту мысль, французскій переводчикъ Лермонтова, Марлье (Revue Britanique 1861 г. Semptembre № 9. Littérature russe. Michel Lermontoff) такъ очерчиваетъ необыкновенный описательный талантъ нашего поэта: «Онъ намъ изображаетъ, съ точностью географа и натуралиста, цѣлую страну, не лишая ее въ тоже время и той атмосферы, которая придаетъ ей поэтическую прелесть. Мы имѣемъ какъ-бы предъ глазами ту мѣстность, которую онъ рисуетъ, мы будто чувствуемъ дуновеніе вѣтерка, пропитаннаго ароматами Грузіи; надъ нашими головами вздымаются снѣжныя вершины Кавказа, а подъ ногами пропасть, въ которой бушуетъ стремнина; мы проникаемъ въ пустыни лѣсовъ и горъ, —словомъ, мы живемъ и совсѣмъ живемъ на Кавказѣ, и ни одинъ путеводитель не могъ-бы намъ дать болѣе точнаго понятія объ этой замѣчательной странѣ».

Говоря объ иностранцахъ, писавшихъ о Лермонтовѣ, нельзя не упомянуть объ извѣстномъ французскомъ писателѣ Дюма. Провѣзжая Кавказъ, такъ очаровательно и многоразлично воспѣтый нашимъ поэтомъ, Дюма, конечно, не могъ забыть пѣвца Кавказа, и дѣйствительно, онъ часто о немъ вспоминаетъ въ своихъ «Impressions de voyage», причемъ дѣлаетъ переводы нѣкоторыхъ его стихотвореній. При поэтическомъ дарованіи Дюма переводы не только очень изящны, но и вѣрно передаютъ основныя мысли поэта. Это тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь Дюма, что онъ почти не зналъ русскаго языка. Вотъ способъ, который Дюма, какъ онъ самъ разсказываетъ, употреблялъ для полученія хорошихъ переводовъ: на пароходѣ на Волгѣ, въ городахъ, гдѣ останавливался Дюма, онъ старался столкнуться съ человѣкомъ, который хорошо владѣетъ французскимъ языкомъ и всегда просилъ сдѣлать ему подстрочный переводъ какого-либо Лермонтовскаго стихотворенія; этотъ переводъ онъ тотчасъ передѣлывалъ на французскіе стихи, прочитывалъ своему собесѣднику, исправлялъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ — и переводъ былъ готовъ.

Особенно много въ этомъ отношеніи услугъ оказали Дюма русскія женщины. «Русскія дамы,—говоритъ Дюма,—«знаютъ Лермонтова наизусть». Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слѣдующій фактъ. На Волгѣ, между Рыбинскомъ и Нижнимъ, Дюма познакомился съ кн. Анной Долгорукой. Какъ то ему попадобился томъ произведеній Лермонтова со стихами. «Я, говоритъ онъ, не зналъ, гдѣ его найти; княгиня Долгорукова вывела меня изъ затрудненія.

— «Вы ищете Лермонтова?» сказала она мнѣ.

— Да, отвѣчалъ я, но кажется я его затерялъ.

— «Не безпокойтесь, отвѣчала она, я знаю Лермонтова наизусть, скажите мнѣ, какую вы желаете пьесу, я вамъ ее прочту и переведу».

Излагая свой взглядъ на Лермонтова, Дюма сравниваетъ его съ Альфредомъ-де Мюссе. Онъ говоритъ, что оба эти поэта одного типа, одинаковой силы и направленія. «Въ прозѣ, полагаетъ Дюма, сходство Лермонтова съ Альфредомъ-де Мюссе еще разительнѣе: «Печоринъ или Герой нашего времени» братъ «Ребенкавска» (L'enfant du siècle, ром. А. Мюссе), только, по моему, Печоринъ лучше созданъ и ему предназначено больше прожить».

Сдѣлавъ переводы «Думы» («La pensée») Дюма замѣчаетъ: «отбросьте то, что слѣдуетъ приписать слабости перевода, и окажется, что ни Байронъ, ни А. де Мюссе ничего столь горькаго не написали»... «Вотъ стихотвореніе совсѣмъ иного типа», продолжаетъ онъ, даетъ затѣмъ объясненіе аллегоріи, заключающейся въ ст. «Споръ» и заканчиваетъ слѣдующими словами: «Здѣсь поэтъ нашелъ возможнымъ быть одновременно насмѣшливымъ и возвышеннымъ; насмѣшливость и величіе — два качества почти никогда недостижимыя (для писателей)».

О «Горныхъ вершинахъ» нашъ писатель говоритъ, что это стихотвореніе такъ популярно въ Россіи, что находится на всѣхъ фортепьянахъ и что, вѣроятно, не найдется молодой дѣвушки или молодого человѣка, который не зналъ-бы ихъ наизусть. «Согласно послѣднему стиху, поэтъ, говоритъ Дюма, на самомъ дѣлѣ скоро уснулъ, но какъ будто эта желанная смерть не шла къ нему довольно скоро; иногда онъ вызывалъ ее подобно древнимъ рыцарямъ, которые, уставши отъ бездѣйствія, трубили въ рогъ, вызывая противника. Одинъ изъ этихъ вызывовъ заключается въ стихотвореніи «Благодарность».

Не ограничиваясь одною характеристикой поэта, иностранные писатели, чтобы еще болѣе выяснить физіономію Лермонтова, старались опредѣлить и свойства окружавшей его среды, и то вліяніе, какое она оказывала на его развитіе. Для насъ, русскихъ, конечно, не новость тотъ фактъ, что условія общественной жизни, окружавшей поэта, были въ высшей степени неблагопріятны для развитія его могучаго дарованія; гораздо труднѣе было замѣтить издали эту особенность въ исторіи развитія и творческой дѣятельности Мих. Юр., и тѣмъ, разумѣется, больше заслуга иностранцевъ, обратившихъ вниманіе и на это обстоятельство. Вотъ мысли, высказанныя по этому поводу Сенъ-Рене Таллъяндье (въ «Revue des deux mondes», 1885 г. 2 l., стр. 502—534, въ ст. «Poètes et romancieres de la Russie. Le poète du Caucase, M. Lermontoff»): «Русская литература была въ правѣ ожидать еще большаго вклада, чѣмъ тотъ, который она получила отъ этого богато и могущественно надѣленнаго таланта, если-бы онъ освободился отъ дурнаго вліянія его времени». По мнѣнію этого рѣзкаго по отношенію къ русскому обществу 40-хъ гг. критика, «на Лермонтовѣ особенно вредно отразилось, какъ онъ выражается, цивилизованное варварство, покрытое лоскомъ щеголеватости, заимствовавшее у цивилизаціи не внутреннее содержаніе жизни и ея формы, а утонченности наслажденія и лукавства». Подобную цивилизованность Лермонтовъ признавалъ стыдомъ и бичомъ своего отечества и все-таки не могъ освободиться отъ ея ярма. Горячка игры, преслѣдованіе пустыхъ, но волнующихъ кровь свѣтскихъ успѣховъ, щекотливое и мелочное самолюбіе—вотъ нѣкоторыя изъ страстей такой цивилизованности. Эти страсти вносили не мало страданія въ существованіе Лермонтова, они отравляли его жизнь, какъ и жизнь Пушкина.

У Лермонтова,однако, была сила, которая могла спасти его отъ ярма мелкихъ страстей и вдохнуть въ него освѣжающее дыханіе иной великой и могучей страсти. Сила эта —любовь къ родинѣ, такъ могуче, такъ задушевно вылившаяся въ его дивномъ стихотвореніи „Родина". Приводя это стихотвореніе Таллъяндье восклицаетъ: „Вотъ дѣйствительная, сильная сердцу патріотическая Россія: степи, уединеніе, гармонія вольной природы и мужики, пляшущіе и пьющіе, чтобы добыть себѣ хоть одинъ часъ забвенія!" Эта Россія стоитъ того, чтобы ей—ея думамъ и мукамъ, ея горю и счастью отдать всѣ силы великаго таланта, чтобы сдѣлать его дѣйствительно могучимъ и полезнымъ. Лермонтовъ начиналъ понимать это. „Въ послѣдніе годы своей жизни",—продолжаетъ Таллъяндье,—„онъ сталъ заниматься Россіею также, какъ до того посвящалъ себя преимущественно грузинамъ и черкесамъ, и несомнѣнно, что на этомъ новомъ поприщѣ онъ попалъ-бы на новый путь вдохновенія, и тогда его демократическій инстинктъ выставилъ-бы въ яркомъ свѣтѣ всѣ основанія первобытной правды, сохранившіяся въ низшихъ классахъ общества. Этому періоду новыхъ изученій принадлежитъ крайне любопытная поэма о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ... Въ этой пѣснѣ нѣтъ мѣста декламаціи, напыщенности... Судъ надъ купцомъ возмутителенъ безъ сомнѣнія, но съ какимъ спокойствіемъ судъ этотъ принимается человѣкомъ, который тѣмъ только провинился, что отомстилъ за свою поруганную честь! Нѣсколько картинъ въ этомъ родѣ дали-бы намъ возможность проникнуть въ тайники русскихъ лѣтописей, и поэтъ объяснилъ-бы намъ гораздо яснѣе, чѣмъ всѣ оффиціальные историки царствованія этихъ грозныхъ владыкъ, которые въ XV и XVI вѣкахъ такъ умѣли глубоко запечатлѣть въ сердцахъ суевѣрное къ себѣ уваженіе. Лермонтовъ могъ-бы все это дѣлать, и это была-бы литература чисто русская, безъ подражанія западу, безъ примѣси Байрона или Гете, и тогда-бы авторъ Хаджи-Абрека возстановилъ-бы весь героизмъ своего народа.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства. Повидимому, русскіе люди, всего тщательнѣе должны-бы отнестись къ родному поэту, знакомя съ нимъ иностранцевъ. Но вышло не такъ: Переводъ И. С. Тургенева (Мцыри) библіографами считается хуже многихъ заурядныхъ иностранныхъ переводовъ! Но это еще не велика бѣда въ сравненіи съ тѣмъ, что писалъ о Лермонтовѣ извѣстный Н. И. Гречъ (въ своей книгѣ: „Examen de l'ouvrage de M. le Marquis de Custine, intusile: La Russie en 1839, par, N. Gretch» Paris. 1844). Разсуждая объ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова „На смерть Пушкина", этотъ славный мужъ ни слова не сказалъ о высокочестномъ побужденіи поэта написать эти стихи. По его мнѣнію, послѣ этого стихотворенія „остается только сожалѣть о томъ, что побужденія къ добру не взяли верхъ въ нравственномъ направленіи поэта!"

Л—ковъ.

О чемъ говорятъ.

15-е іюля.

Когда Пушкинъ палъ отъ руки Дантеса, убившаго его на поединкѣ, всю грамотную Россію облетѣло стихотвореніе, въ которомъ съ необыкновенной силою вылилось негодованіе современника при видѣ довременной могилы величайшаго русскаго поэта. Никто раньше съ такой силою не обращался къ обществу. Это былъ вдохновленный языкъ пророка, страстный протестъ противъ пошлости и дряблости того времени. „Погибъ поэтъ! невольникъ чести,

Палъ, оклеветанный молвой
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Умолкли звуки дивныхъ пѣсенъ!
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать...

Стихотвореніе принадлежало перу молодаго поэта, М. Ю. Лермонтова. Публика сразу поняла, съ какимъ замѣчательнымъ талантомъ она имѣетъ дѣло, и дѣйствительно, не прошло и трехъ лѣтъ, какъ имя Лермонтова, успѣвшаго уже написать «Демона» и серію прочувствованныхъ лирическихъ стихотвореній, произносилось съ восторгомъ во всѣхъ интеллигентныхъ кружкахъ.

* * *

Къ сожалѣнію, тотъ самый Лермонтовъ, который такъ искренно оплакивалъ смерть Пушкина, не вынесшаго «позора мелочныхъ обидъ» и повѣрившаго «ложнымъ словамъ и ласкамъ клеветниковъ безбожныхъ», также ввѣрилъ свою драгоцѣнную жизнь случайностямъ поединка и умеръ едва достигнувши двадцати семи лѣтъ.

Таковы были условія того времени. Даже такіе свѣтлые умы, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, хорошо сознававшіе ничтожество окружающихъ и безцѣльность дуэлей, не могли бороться съ предразсудками современниковъ. Геній и бездарность ставились на одну доску, и если одному изъ нихъ отдавалось предпочтеніе то уже, конечно, не тому, въ чьей груди тлѣла искра Божія. Литература, поэзія, искусство—все это мало цѣнилось, талантъ подвергался преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ самодовольнаго, большинства. О смерти Пушкина было сообщено въ краткой замѣткѣ, болѣе краткой чѣмъ теперешняя замѣтка о мелкомъ пожарѣ. Тоже самое случилось съ Лермонтовымъ. «Сегодня около пяти часовъ вечера, — гласила лаконическая вѣсть изъ Пятигорска, отъ 15 іюля 1841 г. —разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; *во это время между горами Машукомъ и Бештау скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ*». Сильнѣе подчеркнуть свои отношенія къ поэту врядъ-ли было возможно. «Въ это время скончался лечившійся М. Ю. Лермонтовъ»! Нужды нѣтъ до того, что этотъ М. Ю. Лермонтовъ былъ одинъ изъ лучшихъ сыновъ земли русской, геніальный юноша, давшій родинѣ рядъ дивныхъ произведеній и обѣщавшій занять первенствующее мѣсто въ фалангѣ міровыхъ поэтовъ. Въ глазахъ автора сообщенія, Лермонтовъ былъ нѣчто иное, какъ одинъ изъ обыкновенныхъ паціентовъ Пятигорска, съ чиномъ поручика...

* * *

Прошло пятьдесятъ лѣтъ, и—какая перемѣна въ понятіяхъ общества! У подножія памятника Пушкину толпятся съ нѣмымъ благоговѣніемъ, сочиненія Лермонтова распространяются въ милліонахъ экземпляровъ... Злобствующая бездарность и «жрецы минутнаго, поклонники успѣха» давно почіютъ мертвымъ сномъ, а имена нашихъ поэтовъ горятъ неугаснымъ огнемъ и свѣтятъ всему человѣчеству. Кто помнитъ враговъ и убійцъ Пушкина и Лермонтова? Никто...

И съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія смотритъ человѣкъ девяностыхъ годовъ на благотворную перемѣну. Теперь мы не дали-бы нашимъ поэтамъ погибнуть на полвѣка всего. Прошло, но мы многому успѣли научиться. Прежде всего мы научились уважать талантъ. Литература, поэзія, живопись и музыка, сцена болѣе не прозябаютъ въ тѣни, а самостоятельно и громко заявляютъ о своемъ существованіи. Чего стоятъ одни изданія произведеній Лермонтова! Можно сказать безъ преувеличенія, что добрая треть всего количества типографскихъ станковъ, находящихся въ Россіи, въ теченіи послѣдняго года была занята исключительно печатаньемъ Лермонтова. Пройдетъ какой нибудь мѣсяцъ другой—и въ Россіи не будетъ семьи, которая не владѣла бы нѣсколькими изданіями «Демона» или «Пѣсни про купца Калашникова». Не существуй пятидесятилѣтней монополій на произведенія геніальнаго поэта, то-же самое случилось-бы гораздо раньше.

* * *

Спору нѣтъ, многое еще не совершенно у насъ, что не удивительно, если принять въ соображеніе сравнительную молодость Россіи и позднее вступленіе ея на путь культурнаго развитія, но такіе факты, какъ чествованіе памяти Лермонтова, громче фразъ говорятъ о ростѣ и прогрессѣ. Многое изъ того, что пользовалось правомъ гражданства полвѣка тому назадъ, успѣло отойти въ область преданій. Столько перемѣнъ успѣло произойти въ понятіяхъ, привычкахъ и бытѣ, что не вѣрится глазамъ,—совершенно не тотъ міръ, не тѣ люди... Пройдетъ еще полвѣка, и то, что теперь считается послѣднимъ словомъ прогресса, въ свою очередь, покажется несовершеннымъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Но и тогда творенія Лермонтова будутъ заучиваться наизусть, потому что одна поэзія безсмертна.

Оса.

Лермонтовскій музей.

Съ декабря мѣсяца 1883 года въ Петербургѣ, въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, открытъ музей имени Лермонтова. Устроенъ музей по иниціативѣ бывшаго начальника училища генеральнаго штаба генералъ-маіора А. А. Бильдерлинга (нынѣ помощникъ начальника главнаго штаба).

Устраивая музей, генералъ Бильдерлингъ задался широкой задачей, собирать и сохранять для потомства все, что относится до памяти одного изъ величайшихъ русскихъ поэтовъ—питомца и гордости Николаевскаго училища—Михаила Юрьевича Лермонтова. При начатіи дѣла съ 1881 года требовалась медленная, постоянная, настойчивая работа, успѣхъ которой зависѣлъ отъ сочувствія общества. Съ живымъ интересомъ и дѣятельнымъ участіемъ отнеслись къ устройству музея печать и общество. Вслѣдъ за открытіемъ музея почти во всѣхъ столичныхъ газетахъ и журналахъ появились статьи о немъ; тогда-же былъ изданъ училищемъ подробный каталогъ; музей открытъ для публики по воскреснымъ днямъ отъ часа до пяти часовъ пополудни. Въ эти дни публика собирается, съ интересомъ осматривая собранныя коллекціи. Пожертвованія продолжаютъ поступать, отдѣлы пополняются новыми рукописями, рисунками, вещами, описаніями и воспоминаніями о Лермонтовѣ.

21 февраля 1884 года Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили музей Своимъ посѣщеніемъ. Прибывъ въ училище, Ихъ Величества направились прямо въ музей, гдѣ подробно осмотрѣли все въ немъ собранное. Въ музеѣ находятся: подлинныя рукописи Лермонтова и его письма, копіи съ рукописей и корректуръ, исправленій рукою Лермонтова; картины и рисунки карандашемъ и красками Лермонтова. Иностранные переводы его сочиненій, музыкальныя произведенія на слова Лермонтова, также нѣсколько проектовъ памятника Лермонтову въ Пятигорскѣ, оффиціальные документы, въ числѣ коихъ два подлинныхъ военно-судныхъ дѣла: о первой дуэли М. Ю. Лермонтова съ Барантомъ,—о второй дуэли съ Мартыновымъ. Дѣла эти, съ разрѣшенія г. военнаго министра генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго, переданы на храненіе въ музей главнымъ начальникомъ военно-суднаго управленія Свѣтлѣйшимъ княземъ А. И. Имеретинскимъ. Подлинное дѣло штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса о дуэли Лермонтова съ Барантомъ, и переданы о было на храненіе въ музеѣ съ разрѣшенія Главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича. Девятый отдѣлъ музея состоитъ изъ портретовъ Лермонтова, его родственниковъ и нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ и друзей Лермонтова. Въ тринадцатомъ отдѣлѣ находятся: рисунки и гравюры къ сочиненіямъ Лермонтова, виды Кавказа, всѣ печатныя сочиненія его, журналы, газеты *), а также альманахи, въ которыхъ помѣщались произведенія Лермонтова, въ числѣ коихъ и «Одесскій Альманахъ» 1838 г. Четырнадцатый отдѣлъ состоитъ изъ вещей Лермонтова Болѣе всего пожертвовали въ музей и помогали постепенно пополнить его: редакторъ-издатель журнала «Русская Старина» Мих. Ив. Семевскій, И. И. Глазуновъ, П. А. Висковатовъ, В. А. Милюкова—дочь г-жи Хвостовой, художникъ М. М. Зичи и др. главные помощники А. А. Бильдерлинга по устройству музея—библіотекарь училища ротмистръ Буковскій и преподаватель русской словесности А. Махначевъ. Каталогъ музея вышелъ вторымъ изданіемъ, а съ помѣщенія Лермонтовскаго музея, съ нѣкоторыхъ вещей и предметовъ сняты фотографіи.

*) Въ числѣ ихъ „Одесскій Вѣстникъ" 1841 года, № 63, 1871 г. отъ 17 сентября, 1883 г. 12 апрѣля. Изъ книгъ, изданныхъ въ Одессѣ въ 1849 г.: Н. Мизко—„Столѣтіе русской словесности", О. А. Рабиновичъ—„Пушкинъ и Лермонтовъ въ ихъ стихотвореніи „Пророкъ", 1850 г.

Дневникъ.

Сегодня, 15-го іюля, въ часъ дня, въ залѣ городской думы, будетъ отслужена панихида по усопшемъ поэтѣ М. Ю. Лермонтовѣ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня смерти поэта.

Заказанныя нами у издателя «Нивы», М. Маркса, сочиненія М. Ю. Лермонтова для выдачи безплатно нашимъ годовымъ подписчикамъ высланы намъ изъ Петербурга 11 сего іюля. По полученіи этой преміи, мы сообщимъ о днѣ ея выдачи.

На-дняхъ кіевскій городской голова С. М. Сольскій возвратился изъ своей поѣздки въ Одессу и вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей. Во время своего пребыванія въ Одессѣ, г. городской голова внимательно осмотрѣлъ школу садоводства, бактеріологическую станцію, разныя общественныя сооруженія и мѣста общественныхъ гуляній. Школа садоводства въ Одессѣ, говоритъ «К. Сл.», является учрежденіемъ, заслуживающимъ полнаго вниманія. Школа послѣ 3—4 лѣтъ своего существованія устроила на землѣ, отведенной ей г. Маразли, прекрасный садъ, съ красивыми растеніями и изящными клумбами. Дѣло идетъ въ этой школѣ есть большая непріятность. Земля, т. е., безплодный пустырь, переданъ г. Маразли школѣ съ такимъ условіемъ, что по истеченіи 10 лѣтъ вся она съ посаженными деревьями и всѣмъ устройствомъ должна перейти въ пользованіе ея прежняго владѣльца. Такимъ образомъ, послѣ десятилѣтняго труда обучавшейся въ школѣ молодежи и ея преподавателей, школа останется безъ земли въ самомъ затруднительномъ положеніи. Между тѣмъ, всѣмъ хорошо извѣстно, какъ въ Одессѣ трудно вызвать растительность и устроить садъ.

Бактеріологическая станція положительно переполнена массой паціентовъ. Мѣста общественныхъ гуляній съ внѣшней стороны говоритъ та-же газета, очевидно, со словъ г. Сольскаго, гораздо хуже кіевскихъ, не имѣютъ электрическаго освѣщенія, но на ихъ сторонѣ есть одно важное преимущество—это чистый, не пыльный воздухъ. Дорожки въ садахъ не пылятъ, благодаря тому, что онѣ не посыпаются, какъ у насъ, мелкимъ пескомъ, а утрамбовываются гравіемъ.

Въ программу курсовъ по огородничеству и плодоводству, открывшихся недавно при одесской школѣ садоводства и огородничества для народныхъ учителей, входятъ, между прочимъ, слѣдующіе предметы: устройство и веденіе сельскаго огорода, полученіе сѣмянъ, воздѣлываніе капусты, огурцовъ, картофеля, рѣдьки, важнѣйшихъ корнеплодовъ, гороха, бобовъ, лука, чеснока и дрянныхъ растеній. По плодоводству: основныя понятія о строеніи и жизни растеній, плодовый питомникъ и его устройство, способы размноженія плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, плодовый садъ, мѣстные и промышленные сорта яблокъ, грушъ, вишенъ, сливъ и пр., посадка деревьевъ, подрѣзка кроны и корней при посадкѣ, уходъ за взрослыми деревьями, очистка и прорѣживаніе вѣтвей, борьба съ вредными насѣкомыми и леченіе болѣзней плодовыхъ растеній.

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству 12 іюля, состоящій для особыхъ порученій при штабѣ 11 армейскаго корпуса генеральнаго штаба шт.-капитанъ Леонтовичъ (Евгеній)—назначенъ оберъ-офицеромъ особыхъ порученій при штабѣ войскъ одесскаго военнаго округа.

Вчера была отслужена панихида по покойномъ секретарѣ общества спасанія на водахъ А. И. Ивашкинѣ въ квартирѣ покойнаго. На панихидѣ присутствовали члены правленія одесскаго общества спасанія на водахъ, многіе члены названнаго общества и сослуживцы покойнаго. Вынось тѣла состоится сегодня, въ 9-ть часовъ утра.

Въ управленіи г. попечителя одесскаго учебнаго округа получено увѣдомленіе о томъ, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ сочиненіе Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», нашелъ его заслуживающимъ рекомендаціи для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ (для старшихъ классовъ), а также для раздачи ученикамъ въ видѣ наградъ при окончаніи курса. Соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ ученаго комитета, въ виду того, что въ означенномъ изданіи чрезвычайно живо и вѣрно воспроизведена литературная и общественная среда, въ которой вращался покойный М. П. Погодинъ, такъ что упомянутая книга представляетъ прекрасный очеркъ современнаго этому лицу состоянія русской литературы,—г. министръ народнаго просвѣщенія проситъ г. попечителя одес. учебнаго округа обратить вниманіе начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній одесскаго округа на вышеозначенное сочиненіе Н. П. Барсукова.

Г. попечитель одесскаго учебнаго округа утвердилъ кол. сов. Н. Папарупо въ званіи предсѣдателя попечительнаго совѣта феодос